

А. А. ФОРМОЗОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО·НАУНА·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Научно-популярная серия

А. А. ФОРМОЗОВ

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПУТЕШЕСТВИЯ**

«ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА»

Москва 1974

Книга сотрудника Института археологии Академии наук СССР А. А. Формозова — автора нескольких научных и научно-популярных книг — представляет собой серию очерков о памятниках прошлого тех районов нашей страны, где автору приходилось вести археологические раскопки. В ней рассказывается о стоянках первобытного человека, о курганах, пещерах, заброшенных рудниках, оросительных сооружениях, которые может увидеть каждый и которые стали своеобразной чертой ландшафта. Иными словами, в книге рассказывается об археологии вокруг нас.

Ответственный редактор

доктор исторических наук

Д. Б. ШЕЛОВ

Scan AAW

К ЧИТАТЕЛЮ

Все мы знаем, как разнообразна природа нашей страны. Контраст между суровой Арктикой и благодатными черноморскими субтропиками, между лесной и таежной полосой Евразии и степями и пустынями Прикаспия и Казахстана, между болотами Белоруссии и снежными вершинами Памира не может не почувствовать каждый.

То же самое надо сказать и о памятниках отечественной истории. Народы, обитавшие на территории СССР в далеком прошлом, создали очень непохожие одна на другую культуры. Хозяйство, социальный строй, религия, искусство были у них на редкость многообразны.

У нас известны сотни стоянок каменного века — от раннепалеолитических до неолитических — и тысячи поселений, могильников, рудников бронзового века. Правда, советским археологам долго не удавалось найти пещеры с палеолитическими рисунками вроде тех, что выявлены во Франции и Испании, и стоянки, отражающие переход от охоты к земледелию и скотоводству. Но уже в 1959 г. в Каповой пещере на Урале были открыты рисунки эпохи палеолита. Примерно тогда же в Туркмении и Закавказье развернулись исследования древнейших земледельческих поселений. Результаты этих раскопок позволяют по-новому взглянуть на возникновение производящего хозяйства во всем Старом Свете.

Города создателей государства Урарту в Армении, крепости начала железного века в Средней Азии знакомят нас с обществом, близким по типу к цивилизациям классического Востока. Памятники греческой и римской культуры в изобилии изучены археологами в Крыму, на Кавказе, на Украине и в Молдавии. И хотя это лишь периферия античного мира, значение некоторых наших древностей велико. Нигде так богато не представлены образцы

античного ювелирного искусства, как в Северном Причерноморье.

Средневековые феодальные замки и города западноевропейского облика мы увидим в Прибалтике, мусульманские мавзолеи и караван-сарай — в Средней Азии и Азербайджане, курганы, могильники, укрепленные поселки ранних славян — на Украине и в Центральной России. Нетрудно назвать и множество других своеобразных памятников. Иные из них принадлежат прямым предкам современных народов, населяющих Советский Союз или пограничные с ним области. Скифы, сарматы, аланы, древнейшие финские, угорские, балтийские, эскимосские племена внесли заметный вклад в мировую культуру. Забвение его обеднило бы наши знания по истории человечества.

Поразительное многообразие остатков старины в пределах СССР обусловлено и различиями в природной обстановке на одной шестой земной суши, и развитием на этой территории местных самобытных очагов культуры, и тем, что в разные эпохи отдельные районы страны попадали в орбиту влияния тех или иных цивилизаций древности. Египетские амулеты в виде жука-скарабея не раз находили на Кавказе и в Причерноморье. Контакты с добуддийской и буддийской Индией очень чувствуются в Средней Азии. Захоронения людей с чертами негроидной и австралоидной рас встречаются на палеолитических стоянках Дона. Поэтому даже исследователи южного полушария должны учитывать материалы раскопок в СССР. Что же касается Нового Света, то проблему его заселения нельзя решить без учета работ советских археологов. Ведь первые люди проникли в Северную Америку через Берингов пролив из Сибири.

Вот почему такой большой интерес вызывают за рубежом книги советских специалистов по каменному веку, античности, среднеазиатским, кавказским, славянским древностям.

За последние годы появилось немало хороших популярных изданий по археологии. Благодаря им тысячи людей услышали и о только что расшифрованных страницах древнейшей истории СССР, и о специфике труда археологов. Но тема эта отнюдь не исчерпана, да и вряд ли когда будет исчерпана вообще. В этой книге я пытаюсь подойти к ней несколько иным путем. В большин-

стве брошюр рассказывается, как ученые сумели что-то узнать о культуре минувших времен, описывается процесс раскопок, дается анализ летописных текстов, характеризуются прочие сложнейшие изыскания. Читателю предлагается посмотреть на все это со стороны. Я же хочу рассказать о памятниках прошлого, которые видел или может увидеть любой человек при поездках по СССР, а то и рядом со своим домом, о древностях, составляющих археологический ландшафт наших лесов, гор и пустынь.

В разных местах слагаемые этого ландшафта разные, и я предпочел построить книжку по географическому принципу, а не по категориям памятников. Курганы есть и в степях, и в лесной зоне, и все же характерней они для степей. В очерке о степях про них и пойдет речь.

За четверть века археологической работы мне приходилось бывать на Кавказе и на Урале, в Средней Азии и в Карелии, на Украине и в Западной Сибири. Некоторые районы — Белоруссию, Прибалтику, Дальний Восток — я знаю много хуже и не рискну посвятить им особые очерки, чего они, несомненно, заслуживают. Занимаясь преимущественно каменным и бронзовым веками, я тем не менее беру на себя смелость говорить и об античных и средневековых памятниках. Часто они производили на меня куда большее впечатление, чем первобытные стоянки — объект моих собственных раскопок.

КРЫМ

В Крыму хотя бы раз в жизни бывал, наверное, каждый третий или пятый житель нашей страны. Летом здесь отдыхают сотни тысяч. Но те, кто проводит отпуск в Ялте или Евпатории, узнают лишь о курортах Крыма, а не о нем самом. Немногим больше дают и поездки в туристских автобусах. Надо не один год побродить по горным тропам в стороне от шоссе и дорог, чтобы иметь право говорить об этом удивительном крае как о чем-то знакомом.

На одной восьмисот шестидесятой части территории СССР находятся три резко различающиеся ландшафтные зоны. На севере — степи, продолжение бескрайних просторов Левобережной Украины, пожалуй, даже ухудшенный вариант степей, ибо реки и колодцы там наперечет. Некоторые места на Керченском полуострове напоминают скорее Казахстан — скудостью растительности, солонководностью, тяжелой летней жарой. Унылы и глинистые берега Азовского и Черного морей. Они не блестят красками. Вода мутная, лиманы густо заросли травой.

На юго-западе — горы. Вдоль их отрогов проложили русла быстрые мелкие речки — Зуя, Салгир, Булганак, Альма, Бодрак, Кача, Бельбек, Черная. Открытые скальные плато чередуются с зелеными плодородными долинами.

И наконец, на юге, между обрывами Яйлы — первой гряды Крымских гор — и кромкой моря тянется узкая полоса благодатной земли — земли солнца, причудливых скал, садов, виноградников, песчаных и галечных пляжей.

Археологических Крыма тоже три. Северный, как и степная Украина, — царство курганов. Остатки древних поселений встречаются около них редко. Только иногда где-нибудь у пересыхающих речушек удастся найти следы временных стоянок первобытных охотников. В бронзовом

и железном веках этот район превратился в пастбище. Владельцы стад, обитавшие в легких кибитках, и похоронены под насыпью курганов.

В горах, напротив, бросаются в глаза не старинные могилы, а жилища в естественных и искусственных пещерах, крепостные стены и башни на мысах плато. Изредка попадаются и курганы, но, как правило, кладбища имели тут другой облик — это захоронения в каменных ящиках, плиты которых выступают из земли, или могильники без всяких признаков на поверхности.

На Южном берегу внимание археологов привлекают остатки античной и средневековой культур — руины городов, основанных древнегреческими колонистами, существовавших и позднее — в римское время и византийскую эпоху.

Минуем, подобно большинству путешественников, степной Крым и приглядимся к памятникам, характерным для его горной части и Южного берега.

Реки, постепенно углублявшие свои долины, потоки воды, сбегавшие с плато после дождей, и особенно выветривание образовали по обрывам Крымских гор сотни пещер, гротов, скальных ниш и навесов. Эти природные убежища в течение тысячелетий использовались людьми под жилье, временное и постоянное. Потолки пещер закопчены дымом бесчисленных костров, пол выстлан толстым пластом слежавшегося кизяка. На восточной окраине Бахчисарая и сейчас сохранились дома, пристроенные к карнизу известняков. Крыша и длинная внутренняя стена у таких домов естественные, скальные.

Раскопки под навесами обычно выявляют следы неоднократного заселения. Самые нижние — древнейшие слои с археологическими находками относятся к мустьерской стадии палеолита, к периоду, отделенному от нас минимум 40, а то и 100 тысячами лет. Первое поселение этого времени в Крыму открыл К. С. Мережковский в 1880 г. в Волчьем гроте к северу от Симферополя. С тех пор скоро уже век не прекращаются исследования крымского палеолита. В 1952—1956 гг. мне довелось принимать в них участие. В конце первого сезона мне повезло: в пригороде Бахчисарая, в Староселье, я наткнулся на обширный навес с мощным слоем мустьерской эпохи и возгордился неимоверно. Еще бы — нашел памятник под носом Бахчисарайского музея, всего в трех километрах от

него и в 150—200 метрах от исхоженной толпами археологов дороги к филиалу музея — пещерному городу Чуфут-Кале. Отрезвление настало быстро. Через несколько лет с реки Альмы геолог-любитель привез выразительную коллекцию кремневых орудий. Он собрал ее в полутора километрах от второй отысканной мною мустьерской стоянки. При разведках я не дошел до этого пункта совсем немного. Не удивлюсь, если и рядом со Старосельем я что-нибудь пропустил. Занятый с утра до вечера на раскопе чертежами, записями, упаковкой кремней и костей, я успел детально осмотреть далеко не все окрестности поселения. Поэтому я не верю в недавно опубликованные расчеты: в Крыму-де зафиксировано столько-то палеолитических стоябищ и больше найдено не будет, жило на каждом примерно столько-то человек, на всем полуострове, следовательно, столько-то (автор этой статьи и перед началом моей экспедиции жалел, что я буду зря терять время,— Крым известен вдоль и поперек: а за пять лет разведок число мустьерских стоянок удвоилось). Нет, Крым отнюдь не исчерпан в археологическом отношении, он сулит еще множество неожиданностей.

В любой небольшой балочке, ответвлении той или иной долины может таиться пещера с интереснейшей стоянкой. День за днем ходишь под скальным уступом («под сколами», как говорят в Крыму), осматриваешь навес за навесом, то тут, то там закладываешь пробный раскопшурф, а к концу полевого сезона убеждаешься, что крутился на крошечном пятачке и нужны десятилетия, прежде чем будет проверена вся долина.

Слово «пещера» вызывает у нас представление о темном коридоре, уходящем в глубь горы, о сталактитово-сталагмитовом лабиринте вроде того, по которому блуждали Том Сойер и Бекки Тэчер. Между тем древние люди не любили такие холодные, сырые и мрачные провалы в земле. Находок в них или не бывает, или они очень своеобразны. На Чатырдаге в коридорной пещере Бинбаш-Коба почти на поверхности в беспорядке лежали человеческие кости, а около них — металлические пряжки и другие средневековые предметы. Согласно легенде в период каких-то междоусобиц тут скрывались жители одной деревни и все они погибли от голода или задохнулись в дыму костров, разведенных врагами у входа. Может быть, это и так, а может быть, в средние века в

Узкая щель в скале служит входом в сырую и холодную пещеру коридорного типа Бин-баш-Коба

пещере просто хоронили покойников. Любопытны и карстовые колодцы, заполненные костями животных, — скорее всего, святилища скотоводов. Судя по черепкам, найденным вместе с костями, эти жертвы принесены в конце бронзового — начале железного века.

Для своих стоянок первобытные люди выбирали неглубокие и хорошо освещенные солнцем гроты и навесы, иногда совсем маленькие. Длина навеса в Холодной балке в верховьях Булганака всего 7,5 м. Только опытный археолог-разведчик мог выявить эту стоянку. Любой другой прошел бы мимо ничтожной скальной ниши.

Топография большинства пещер такова: плато обрывается ко дну долины отвесной стенкой. К ней и приурочены навесы и гроты, расположенные в один или несколь-

ко этажей. Ниже идет более пологий склон, покрытый щебенкой и поросший кустарником.

Вскарабкавшись по склону к выходам известняков, вы неторопливо движетесь вдоль извилистого края плато и внимательно осматриваете все углубления в скале. Надежды сменяются разочарованиями. В средние века или столетие-два назад многие навесы приспособили под жилье и загоны для скота, вычистили и скинули вниз все накопившиеся на полу отложения. Но вот на склоне вы заметили осколок кремня или кость, пролежавшую в земле так долго, что она минерализовалась, «фоссилизировалась», стала очень тяжелой. Значит, надо настроиться, определить, откуда попали на склон эти предметы, и искать подходящее место для шурфа. Нередко пол навеса покрыт травой и найти ничего не удастся, и все-таки, если грот сухой, солнечный, лучше не жалеть сил и в очередной раз взяться за лопату.

Порой слои с палеолитическими орудиями лежат неглубоко, в Староселье — сразу же под дерном. Видимо, кое-где природная обстановка за несколько десятков ты-

Эта маленькая скальная ниша в Холодной балке возле Симферополя использовалась под жилье неандертальцами

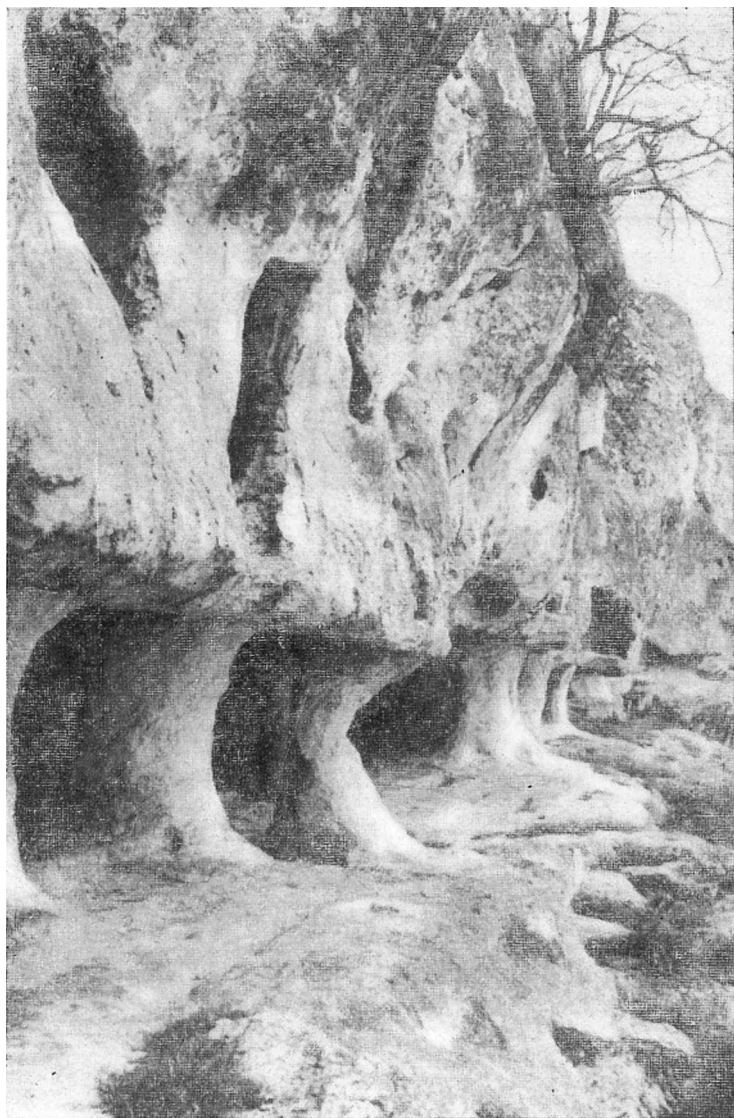
сячелетий изменилась меньше, чем можно было бы подумать, и в первобытную эпоху берега некоторых долин выглядели почти так же, как теперь. Но так бывало не везде. Горы разрушались, навесы обваливались, а земля, смывавшаяся с плато, маскировала их следы. Появились «погребенные пещеры». Отыскивать их, конечно, гораздо труднее, чем обыкновенные. На Альме мне посчастливилось найти такую пещеру. Кремневые орудия, поднятые на склоне, показывали, что где-то рядом должна быть мустьерская стоянка. В стороне виднелись гроты с более поздними слоями, но непосредственно над местом находок полосу известняков закрывал оползень. Мы удалили землю и расчистили огромный блок известняка, отделенный трещиной от коренной скалы. Один угол камня откололи с помощью стальных клиньев и молота и добрались до нетронутого культурного слоя — окраины древнего стойбища, закрытого обвалившимся карнизом навеса.

Раскопки пещер — дело тяжелое. Отложения их состоят из щебенки и камня — плиток, из года в год отслаивавшихся от скального потолка и накапливавшихся на полу. Лопата и нож для этого грунта не годятся. Приходится прибегать к кирке, но тогда возникает опасность разбить хрупкие кремни и кости. Работа идет медленно. Крупные камни, лежащие в слое, дробят кувалдой и клиньями, иногда взрывают, иногда оставляют на подпорках и работают под ними. Часто слои залегают не горизонтально, а с наклоном ко дну долины, соответственно ступеням скального дна, изгибаясь в зависимости от нагромождений обвального камня или промоин, и сцементированы известковым натеком. Разобраться в последовательности наслоений из-за этого очень непросто. И хотя палеолитические стоянки невелики по размеру, так что, казалось бы, их можно быстро раскопать целиком, на это уходит несколько полевых сезонов. Только две-три крымские пещеры исследованы на всей их площади.

Проезжая по шоссе Бахчисарай — Ялта мимо Сюреньских навесов на реке Бельбек, изученных приблизительно на одну треть, стоит задержаться на минуту и посмотреть на стенки раскопов. Вы увидите разрез типичных для пещеры слоев золы, кизяка, щебенки, обвалившиеся блоки известняка. В белой каменистой толще заметны обломки костей и кремни, брошенные и потерянные палеолитическими людьми 15—25 тыс. лет назад.

Кропотливая работа в пещерах обогатила археологию, антропологию и историю важными наблюдениями и открытиями. В гроте Киик-Коба на реке Зуе найдены останки двух неандертальцев. Для одного из них в скале выдолбили могилу. Это древнейшее захоронение на территории СССР. Из мустьерского слоя в Староселье извлечено колоссальное число — свыше 60 тыс. — костей дикого осла. Его современные родичи — быстроногие животные. В момент преследования они несутся со скоростью, недоступной кавалерийской лошади. На палеолитических стоянках Русской равнины совсем нет костей осла: охотиться на него на открытых просторах у загонщиков не было возможности. Каким же преимуществом обладали крымские неандертальцы? Вероятно, они использовали пересеченную местность, выслеживали, когда стадо спускалось с плато вниз на водопой, перекрывали выходы из долины и, зажав табун в скальной теснине, истребляли его. Так добывали осла-кулана казахи на берегах Аральского моря в XIX в. Очевидно, люди раннего палеолита были способны разработать весьма сложную тактику охоты. В позднепалеолитических и мезолитических поселениях Шан-Коба, Замиль-Коба, Черкес-Кермен интересны скопления раковин сухопутных улиток. Обитатели стоянок собирали их в дополнение к охотничьей добыче, ссыпали в специальные ямки, раскладывали сверху костер, а потом высасывали из раковин чуть запеченное сочное мясо моллюска.

Кроме естественных пещер в Крыму немало и искусственных — вырубленных в известняке комнат, хозяйственных помещений, христианских храмов и монастырей. Они всегда связаны с укрепленными поселениями на высоких ровных плато. Таковы Мангуп-Кале, Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Тепе-Кермен, Качи-Кальон, Бакла, Челтер, Шулдан, Инкерман в юго-западной части Крыма. Вверху на плато располагались улицы с обычными домами, ниже, иногда в два-три этажа, тянулась цепочка помещений, высеченных в скале. Количество их значительно — в одном Эски-Кермене не меньше 350. Верхние дома разрушились, растащены на строительный материал, затянута землей, заросли кустарником, нижние — опустели, но видны так же ясно, как и в былые времена. Из-за этого и сложилось представление об особых «пещерных городах». С удивлением рассказывал о них свя-

**Искусственные пещеры, вырубленные в скалах в средние века.
Пещерный город Челтер**

ценник Иаков, побывавший вместе с русским послом Дворениновым в Инкермане в 1634—1635 гг.: «Около же тех церквей жития в горах подобно стрижем, камора об камору, высоко и низко на полверсты и больши»¹.

Первые путешественники по Крыму терялись в догадках, что это за странные города. К концу XVI в. жизнь в них уже замерла. В Эски-Кермене посол польского короля Стефана Батория к крымскому хану Мартин Броневский застал в 1578 г. лишь руины и после расспросов отметил в своем дневнике: они «так древни, что ни турки, ни татары, ни самые греки не знают названия их»².

В XVIII и XIX вв. предположения о происхождении пещерных городов отличались предельной фантастичностью. Ездивший по Крыму в 1784 г. барон Тотт из Амстердама решил, что они возникли в глубочайшей древности, еще тогда, когда между отрогами гор плескалось море. На это якобы указывают кольца для привязывания лодок, выдолбленные в скалах. Русский генерал Козен в 1828 г. рассматривал искусственные пещеры как жилища дикарей-троглодитов. Эта теория держалась до конца XIX в.

На начальном этапе развития археологии разновременные памятники прошлого воспринимали в одной плоскости. Поэтому захоронения в каменных ящиках называли дольменами и считали могилами людей, живших в пещерных городах, а те и другие приписывали киммерийцам — древнейшему известному нам по имени народу Причерноморья. Лодки этих мореплавателей причаливали будто бы прямо к Чуфут-Кале или Качи-Кальону. Трудно сказать, просочились ли эти представления в народные легенды из книг, или, наоборот, народные предания отразились в литературе, по еще в 1952 г. я слышал о кольцах для кораблей от землекопов, работавших в Староселье. Мне показали кольца у Чуфут-Кале. Они действительно служили для привязывания, но не кораблей, а домашнего скота.

Сейчас, после работ многих историков и археологов, мы знаем о пещерных городах гораздо больше и судим о них вернее — опираясь на материалы раскопок и анализ письменных источников. Это памятники не далекой первобытной эпохи, а сравнительно близкого к нам времени — развитого средневековья, когда природная обстановка в Крыму была примерно такой же, как теперь.

Крепости стояли не над морем, а над речными долинами. Основаны они где-то около VI в. н. э. и существовали до XIV—XV вв. По мнению одних ученых, эти укрепления построены византийцами для прикрытия крупного причерноморского центра Херсонеса от набегов степных кочевников. По мнению других, это феодальные замки независимых от Константинополя княжеств, созданных местным крымским населением, потомками сарматов и алан, и пришельцами — готами.

Бродя по пещерным городам, мы убеждаемся, что жили в них, конечно, не дикари. В ряде пунктов сохранились участки мощных оборонительных стен с башнями, следы водопроводов, осадные колодцы, в некоторых подземных церквах уцелели фрагменты фресок XII—XV вв., выполненных в византийской манере, а иногда не без влияния Ренессанса. Сурово глядит на нас пророк со стены скального храма в Мангуп-Кале, скачут воины-копьемосцы на фресках Эски-Кермена, застыли, чуть склонившись, дароносцы.

Пещерные города неизмеримо эффектнее, чем первобытные стоянки в гротах и под навесами. Там вы попадаете в какое-то полужверинное логово, где из земли торчат только кремни и обломки костей. Тут вас окружают руины домов с каменными фундаментами, улицы, перекрестки, дороги, ведущие к воротам, храмы, украшенные искусной росписью.

Многое в пещерных городах мы разгадываем без труда: в этих ямах, выдолбленных в скале, хранилось зерно, эти желобки и канавки — часть давальни на усадьбе винодела. Иное, вероятно, трактуем произвольно. Популярный экскурсионный объект в Чуфут-Кале — так называемое судилище — большое мрачное подземное помещение. Назначение его, однако, отнюдь не ясно. Возможно, это всего-навсего подвал-склад для каких-то припасов. Но название «судилище» очень ему подошло. Под его сводами слышится отзвук глухих голосов мужского хора из «Аиды»: «Изменил — умрет».

Для укреплений всегда выбирали точки, господствовавшие над местностью. Поэтому обзор из пещерных городов великолепный. Под Эски-Керменом веером раскинулись десятки балок. Среди них возвышаются другие города — Качи-Кальон, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале, а за ними на горизонте видны уже степи. Из Мангуп-Кале, глядя

на запад, можно различить море у Инкермана, а обернувшись на юг,— увидеть чуть ли не всю главную гряду Крымских гор с несколькими крепостями того же княжества, носившего название Феодоро. Контраст между тесными, низкими, холодными пещерными комнатами и разбегающимися внизу куда-то далеко-далеко, залитыми солнцем, цветущими долинами — для меня одно из ярчайших крымских впечатлений.

Еще большее волнение испытал я у ворот Чуфут-Кале. К ним из балки Майрам-Дере поднимается дорога, проложенная при постройке укреплений. Колеса сотен телег, въезжавших в город этим путем, начиная с VI в. прорезали в скале глубокие колеи. Они-то и помогают с особой силой, почти физически ощутить прошедшие столетия. Удивительно — в соседней долине прячется стоянка Староселье, которой не полторы, а по меньшей мере 30 тысяч лет. Я сам копал ее и подчас находил кремни и кости там, где их оставили неандертальцы, но почувствовать древность столь же осязаемо, как в Чуфут-Кале, не смог ни разу. Должно быть, это чувство рож-

Южные ворота пещерного города Чуфут-Кале

дается в том случае, когда перед нами результат очень медленных изменений. Древность отдельного орудия, сосуда, очага не осознается, ибо в них не запечатлен процесс сложения чего-то большого из многих и многих малых накоплений. Вспоминается рассказ Сурикова Максимилиану Волошину об ассирийских статуях человекобыков в Британском музее. Художник читал, что им две с половиной тысячи лет, но поверил в это, лишь взглянув на копыта чудовищ, сглаженные ногами посетителей Ниневийского дворца³. Вспоминаются и стихи Бунина «Помпея». Поэт признается, что «все перезабыл — и где кто жил и где какая фея» и помнит «только римские следы, протертые колесами в воротах»⁴.

Инкерман стоит совсем уже близко от моря. У подножия этого пещерного города лежит самый короткий путь из Симферополя на побережье — к Севастополю. Вторая дорога — более длинная, но и более красивая — идет из Бахчисарая на Ялту мимо Ай-Петри. Оттуда открывается широкая и радостная панорама Южного берега, особенно чарующая и неожиданная после безжизненной плоской поверхности Яйлы с ее скудной растительностью и однообразным серо-желтым колоритом. К востоку вьются через горы другие пути — на Алушту мимо Чатырдага, на Феодосию, на Керченский полуостров. Мы на берегах Понта Евксинского, в течение тысячи лет составлявших часть античного мира.

Знакомые хотя бы по фотографиям с афинским Акрополем и римским Колизеем, мы невольно ищем руины таких же величественных построек. Но тщетно. Все вокруг гораздо беднее, прозаичнее. «Морем приехали мы в Керчь,— писал Пушкин брату Льву.— Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапей,— думал я.— На ближней горе, посреди кладбища, увидел я груды камней, утесов, грубо высеченных, заметил несколько ступеней — дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни — не знаю. За несколько верст остановились мы на Золотом холме. Ряды камней, ров, почти сравнившийся с землею,— вот все, что осталось от города Пантикапей. Нет сомнения, что много драгоценного скрывается под землею, насыпанной веками. Какой-то француз прислан из Петербурга для разысканий, но ему не достает ни денег, ни сведений, как у нас обычно водится»⁵.

Разочаровывает древний Пантикапей и тех, кто бывает в Керчи в наши дни. Чем это объяснить? Во-первых, и Пантикапей, и прочие города Причерноморья — не Афины, не Рим, а сугубо провинциальные центры, форпосты античной культуры на границе с варварской периферией. Во-вторых, все они сильно пострадали в период переселения народов, татарского нашествия и других войн за господство над крымской землей. «Было бы полезно снести башни и стены одного необитаемого места, которое называется Херсонес... чтобы турки не заняли его», — говорилось в инструкции 1472 г. генуэзскому консулу в Кафе (Феодосии) ⁶. Города запустили, дома сгорели, развалились, но на долю археологов все равно пришлось бы помало, если бы позднее руины постоянно не растаскивали на строительство. В поисках хорошего камня нередко перерывали и землю. Так в культурном слое появились крайне огорчающие археологов «перекопы» — следы ям, идущих с поверхности и нарушающих большие участки древних отложений. Вместо цельной картины ученые получили лишь фрагменты.

Рассказ Пушкина относится к 1820 г. К этому времени строительство русских городов Севастополя, Керчи, Фанатгорийской крепости уже сказалось на облике Херсонеса, Пантикапея, памятников Таманского полуострова — всегда тесно связанного с Крымом «Азиатского Боспора». А когда-то и по ту, и по другую сторону пролива можно было найти не только «груды камней» и «несколько ступеней». «Тмутараканский болван», фигурирующий в «Слове о полку Игореве», — скорее всего, какая-то античная статуя, уцелевшая на берегах Черного моря до XII в. Древние скульптуры сохранялись на Тамани и в пушкинскую эпоху. О них писали тогда И. А. Стемпковский и П. П. Свиньин. Привыкшие к бедности античного Причерноморья, археологи усомнились в этих известиях, но архивные документы подтверждают, что полтора столетия назад подобные находки были еще возможны.

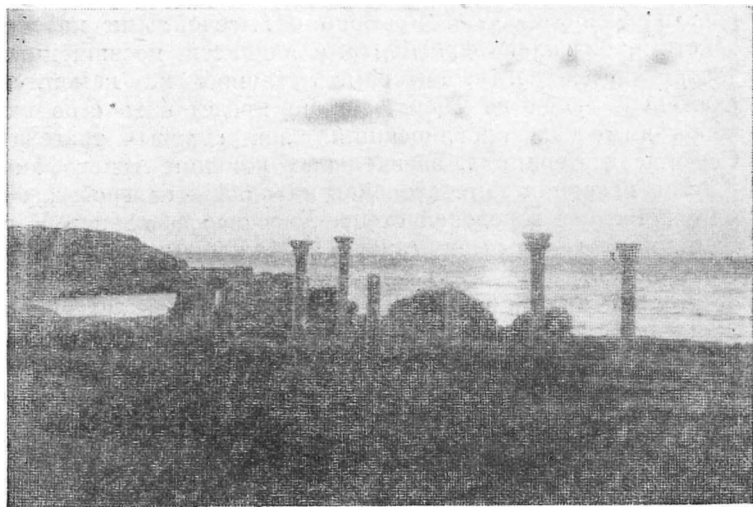
Итак, надо обратиться к «драгоценностям, скрывающимся под землей». Упомянутый Пушкиным француз Дюбрюкс, керченский градоначальник Стемпковский и другие их современники положили начало археологическому изучению древнегреческих городов Крыма, успешно развивающемуся и поныне. «Сведений» не хватало, пожалуй, только первому поколению этих археологов, но

в средствах на раскопки нуждались все без исключения. Дюбрюкс отправлялся на поиски памятников под Керчью с ломтем черного хлеба в кармане и лишь изредка позволял себе купить солдатского табаку.

Меж тем города, где жили тысячи людей, требуют раскопок иного масштаба, чем пещеры, заселенные двумя-тремя десятками. Убежище под скалами за пять—семь лет можно исследовать полностью, восстановив все детали жизни охотничьего лагеря. Там все просто: стенка из камней загораживает вход от ветра, за ней очаг, место обработки кремня. Площадь античных городов очень значительна. Раскопки на их территории напоминают булавочные уколы. Археологи предпочитают поэтому копать сразу в нескольких точках, получая представление об истории центра и окраин, порта и крепостных стен.

Дело осложняется тем, что города существовали долго, культурный слой в них вырос мощный — до 6 м, одни здания разрушались, на их развалинах возводились другие, потом — третьи, четвертые, жилые кварталы наступали на древние кладбища и, наоборот, могилы рыли во дворах запустевших усадеб. В пределы раскопа чаще всего попадают только куски построек разных эпох. Рас-

Херсонес. Колонны базилики, стоявшей на самом берегу Черного моря.

ширяя его, можно иногда расчистить целиком фундамент какого-либо древнего дома, но это не означает, что с той же полнотой удастся узнать и о жилищах предшествующего времени. Планы домов на разных этапах жизни города не совпадали, и под поздним зданием неминуемо вылезут лишь углы более ранних сооружений. Необходимы долголетние изыскания, чтобы хоть в малой мере воскресить облик античного полиса, даже самого захолустного. Специалисту для этого довольно фрагмента, намека. Рядовому посетителю нужно что-то более цельное и ясное.

Этому требованию в Крыму отвечает один Херсонес Таврический. Здесь раскрыты длинные участки улиц с фундаментами домов. На фоне моря хорошо смотрятся белые мраморные колонны, поднятые из земли, вновь поставленные на свои базы и увенчанные капителями. Правда, в Херсонесе жизнь продолжалась и в византийскую эпоху, и большинство открытых для обозрения построек именно этого времени. И все же дух античности тут уловить нетрудно. Мы увидим мозаику на полу бани I в. до н. э. Из мелкой морской гальки выложены фигуры купальщиц. Недавно, уже после войны, неподалеку выявлены остатки театра, построенного в III в. до н. э., — часть оркестры, отделенной барьером от театрона со скамьями. Здание простояло семь столетий и четырежды перестраивалось. Вмещало оно до 3000 человек. Найденные поблизости куски мрамора с высеченными на них текстами оказались фрагментами надписей, посвященных театру, драматургам, актерам. Усевшись на каменную скамью и глядя на сцену, можно представить себе актеров в масках, произносящих слова суровых трагедий Софокла и Еврипида, язвительных комедий Аристофана. Другая недавняя замечательная находка — надгробия, обнаруженные в городской стене. Херсонес основан в V в. до н. э. выходцами из города в Малой Азии Гераклеи Понтийской. Уже в IV—III вв. его обвели каменной стеной. На протяжении последующих 2 тысяч лет укрепления города не раз ремонтировали. При этом использовали и камни с заброшенных кладбищ. На одной из плит, замурованных в стену, превосходно сохранилась живопись. Вспомним, что о греческом искусстве мы судим главным образом по скульптуре и архитектуре. Име-

на прославленных художников — Апеллеса, Полигнота — известны по письменным источникам, но произведения этих мастеров исчезли безвозвратно. Голова юноши из Херсонеса, задумчиво смотрящего куда-то мимо нас, в пространство, — редчайший памятник греческой живописи IV в. до н. э.

Благодаря упорным многолетним раскопкам Херсонеса мы познакомились пусть с не очень яркой, но все же достаточно впечатляющей картиной жизни античного города. По-своему освещают ее и раскопки некрополей,

Херсонес. Скамьи античного театра

окружающих Херсонеса и другие причерноморские города. Особенно велики и лучше всего исследованы они около Керчи. Жителей Пантикапея хоронили обычно в простых могилах, но для богачей сооружали каменные склепы и расписывали их изнутри. Эти росписи также очень интересны для истории античной живописи. Зарытые вместе с покойником великолепные ювелирные изделия, расписные вазы и прочие образцы эллинского прикладного искусства украшают ныне залы Эрмитажа.

Раскопки некрополей — наиболее быстрый способ пополнения музейных коллекций, но теперь археологи не так, как раньше, гонятся за эффектными находками. В первую очередь ученые мечтают воссоздать жизнь древних людей, все стороны их хозяйства, быта, социального строя. Поэтому открытие каких-нибудь античных рыбозасолочных цистерн для них важнее, чем могила, усыпанная золотом.

Самых значительных успехов достигли в этой области археологи Херсонесского музея. Еще в XVIII в., вскоре после присоединения Крыма к России, топограф Анания Строков снял план Гераклеийского полуострова и обозначил к северу от Херсонеса границы древних полей, четко выделявшиеся тогда на поверхности. С тех пор часть границ была стерта, но кое-что уцелело до наших дней. Отталкиваясь от карты Строкова, изучением этих земельческих усадеб — клеров занялся С. Ф. Стржелецкий. Всего он обследовал около 400 клеров по 27—30 га каждый. В плане они представляют собой вытянутые прямоугольники, отгороженные друг от друга невысокими каменными стенками. Внутри — более узкие и низкие каменные линии, а между ними ряды лунок для посадки винограда. Расчищая землю перед посевом, жители Херсонеса и его окрестностей выбирали камни и складывали их вдоль межей и границ участков. В образовавшихся благодаря этому канавках-желобках после дождей и полива надолго задерживалась вода, что было важно для получения хорошего урожая. Возникли клеры не позже IV в. до н. э. Эти невзрачные каменные гряды поразили меня даже сильнее, чем мозаики и театральные скамьи Херсонеса. О духе античности тут не думаешь, но кажется, что ты видишь фигуры древних земледельцев, склонившихся над своими делянками. Результаты труда людей, умерших 2 тысячи лет назад, зримы, осязаемы.

Не менее живо ощущается прошлое и в других местах Крыма. Невдалеке от пионерского лагеря Артек обнаружены руины средневекового поселения. Оно погибло в XV в., когда с ближайшей горы на дома обрушился огромный оползень. И вот из-под обвалившихся глыб камня проросли, поднялись инжир, оливки, виноградные лозы, крупноплодная рябина — юные побеги растений, возделывавшихся первыми обитателями Артека. Тысячелетние ореховые деревья у села Улу-узенъ, деревья со следами прививок на горе Басман, одичавший виноград, часто встречающийся в крымских лесах, — все это остатки древних садов около давно заброшенных деревень. Так, мы понимаем, что наши далекие предки оставили не только рвы, заплывшие землей, не только безымянные могилы, порой попадающие под ковш экскаватора, но и большое культурное наследие. Виноградарство, садоводство Крыма имеют многовековые традиции. Кисть «муската» или «дамских пальчиков», купленная на базаре где-нибудь в Мисхоре, быть может, потомок лозы, посаженной на берегах Понта Евксинского эллинами, приплывшими из Гераклеи или Милета.

Древность в Крыму дает о себе знать на каждом шагу. Памятники старины без труда можно отыскать близ любого села. Они очень разные. Благодатный край и в прошлом привлекал пришельцев со всех концов света. Тут и стоянки палеолитического человека, и могильники из каменных ящиков эпохи бронзы, скифские городища и средневековые пещерные монастыри, античный театр и генуэзские крепости, византийские базилики и турецкая мечеть, курган со склепом, расписанным греческим художником, и мусульманский мавзолей — дюрбе. Железные двери с отделкой в стиле Ренессанса — творение Алевиза Фрязина, плененного крымским ханом на пути в Москву (там ждала его постройка Архангельского собора в Кремле), — мирно соседствуют здесь с минаретом и комнатами, украшенными хрустальными люстрами русской работы. Обширнейшее караимское кладбище расположилось у подножия Чуфут-Кале. Каменный столб-мяля, поставленный при путешествии Екатерины II по Крыму, стоит у ворот ханского дворца в Бахчисарае. Идя от памятника к памятнику, словно листаешь страницы летописи, охватившей длинный ряд тысячелетий.

КАВКАЗ

Археологические исследования на Кавказе я вел позже, чем в Крыму, — в 1957—1963 гг. Сперва мне казалось, что эти два района должны быть очень похожи. Ведь и там и тут есть и палеолитические стоянки в гротах, и памятники античной культуры на берегах Черного моря, и средневековые пещерные города, и храмы с фресками. Но очень скоро я убедился, что на Кавказе все выглядит иначе, потому что окружение иное. Крым миниатюрен, уютен, горы его невысоки, весь полуостров можно объехать за несколько суток. Памятники там всюду бросаются в глаза. Кавказ подавляет своим величием, и остатки прошлого нередко теряются на фоне снежных вершин Главного хребта, в чаще субтропических зарослей.

Помню, в Абхазии меня заинтересовал рассказ о средневековой церкви на горе Лашкендар около Ткварчели. На портале этого здания высечены фигуры двух псов. А культовое почитание собаки известно на Кавказе с бронзового века. Мне захотелось посмотреть на эти изображения. Я доехал на поезде до города абхазских угольщиков и спросил, где гора Лашкендар. Мне охотно показали, но сразу же стали уговаривать не ходить на нее — там уже много народу погибло. Я не послушался и бодро полез вверх по лесистому склону. Оказалось, что дороги к вершине нет. Сначала я еще различал узкую тропу, но потом и она исчезла, и мне пришлось продираться напрямик через колючий кустарник, густо перевитый лианами. Скорость продвижения упала до минимума, каждый шаг давался с трудом. Лишь во второй половине дня добрался я до вершины. Увы, то был длинный ровный хребет, заросший не меньше, чем склоны горы. Везде лес, никакого обзора, и где находятся руины, совершенно непонятно. Я подался в одну сторону, но ничего не увидел, повернул в другую — результат тот же. Начало тем-

нет, и я вынужден был с позором отправиться восвояси. Спустился я в Ткварчели в самом жалком виде — ковбойка и брюки изодраны в клочья, с ботинок сорваны каблуки, руки в кровоточащих ссадинах. Не знаю, погибли кто на этой горе, но штурмовать ее без проводника никому не посоветую. Так обстоит дело с большим археологическим памятником вблизи людного города. В более глухих местах их найти, конечно, еще труднее.

Нужно было обладать гениальностью древних зодчих, чтобы создать постройки, не только не теряющиеся на фоне величавой природы, но и выигрышно выделяющиеся среди гор. Храм VI—VII вв. Джвари над Мцхетой или туфовые армянские церкви Аштарака совсем невелики. Но безошибочно найденная для них точка, тщательно выверенные пропорции, угловатые контуры, столь отличающиеся от закругленных линий русских церквей и столь же хорошо сочетающиеся с зубчатой панорамой гор, как плавные очертания абсид, шлемовидных или луковичных глав сочетаются с мягкими линиями наших холмов,— все это позволило средневековой архитектуре

Храм Марине 1281 г. в армянском городке Аштарак

Кавказа обогатить суровый горный ландшафт новыми человеческими оттенками.

При строительстве храмов все играло свою роль. Както в Армении я пошел пешком из Гарни в Гегард. Был май, но скалы уже раскалились. От жары темнело в глазах. Тщетно высматривал я хоть одно деревце, хоть какой-нибудь спуск к речке, бегущей подо мной на дне ущелья. И вот, дойдя, наконец, до вырубленного в скалах монастыря, ощутив желанную прохладу, я понял, что пройденный мною путь тоже входил в расчет создателей Гегарда. Они стремились к этому контрасту, превращавшему обитель в воплощение рая небесного.

У верующих искони было два рода святых. Одни — домашние — иконы в красном углу, приходская церковь на соседней улице; другие — далекие, труднодостижимые, но потому особенно привлекательные и почитаемые. Путешествие к Троице-Сергиевской или Киево-Печерской лавре было событием, о котором мечтали годами, а, собравшись в дорогу, за много дней пешего хождения странники сосредоточенно думали о самом главном, очищались от мелочей, мысли о которых не покидали ни в собственном доме, ни в приходской церкви. Именно поэтому дорога к Сентинскому храму X—XI вв. не просто поднимается в гору из долины Теберды, а идет в обход по темной лесистой балке. Церковь надолго скрывается из глаз, и вдруг лес расступается, и ты стоишь прямо перед ней, на плато, откуда видны и ледники на отрогах Эльбруса, и зеленые ближайшие горы, и Теберда, и Кубань. Точно так же еще в палеолите святилища возникали не в обитаемых гротах, а в глубине незаселенных коридорных пещер. К ним надо было пробираться в полном мраке, протискиваться сквозь сырые и холодные карстовые щели, порою переплывать подземные реки, пока внезапно не открывался сталактитовый зал с росписями на потолке.

Как и в Крыму, на Кавказе основной фон археологического ландшафта составляют средневековые крепости, феодальные замки, христианские храмы и монастыри. Но в Крыму они мертвы. Уже в XVI в. Мартин Броневский ничего не смог узнать о Мангупе от местных жителей. На Кавказе о памятниках, современных Мангуп-Кале, вам расскажут увлекательные легенды, вспомнят и о великанах-нартах, и о царице Тамаре.

Но для археологов все эти известные народу древности — молоды. Нам хочется заглянуть во тьму веков как можно глубже. И Кавказ постепенно раскрывает перед учеными начальные страницы своей многовековой истории. Наряду со Средней Азией этот край был заселен первобытными людьми раньше остальных районов СССР. Здесь обнаружены наиболее архаичные типы каменных орудий — шелльские и ашельские ручные рубила, предшествовавшие знакомой нам по Крыму мустьерской стадии палеолита.

Больше всего подобных находок в Армении. Страна потухших вулканов славилась в прошлом великолепным материалом для выделки орудий — вулканическим стеклом, обсидианом. Он колется легче, чем кремль, и дает замечательно острые пластинки — готовые ножи, вполне пригодные для работы и без дополнительной подправки. Древнейшие обитатели Закавказья широко использовали этот камень, а жители иных областей изредка получали его оттуда путем обмена. Осколки вулканического стекла

Аул Кахиб в высокогорном Дагестане

находят за тысячи километров от его месторождений при раскопках стоянок около Воронежа, в Крыму, Месопотамии и даже на далекой Печоре. В самой Армении, побродив по пахотным участкам, можно собрать хорошую коллекцию обсидиановых поделок разного возраста. Однажды я ехал из Еревана в Тбилиси. Машина испортилась по дороге, и, чтобы не скучать попусту, я занялся осмотром соседнего поля. Мне повезло: за полчаса я нашел выразительное ашельское ручное рубило и десятка два других изделий. Со временем обсидиан, лежащий на поверхности, снаружи покрывается патиной, выветривается, утрачивает блеск, становится пористым, как бы бархатным. В проведенных трактором бороздах мелькают то сверкающие на солнце, как осколки бутылок, пластинки обсидиана — черные, прозрачные на свет, иногда с розовыми прожилками, то серые, патинизированные, более грубые и массивные предметы. Первые вышли из рук людей эпохи неолита и бронзы, вторые изготовлены гораздо раньше — в палеолитическую эпоху.

Обсидиан — частая находка и при раскопках поселений. Обычно это обработанные с двух сторон прямоугольные лезвия для составных серпов, вставлявшиеся в костяную или деревянную оправу. Но самые древние палеолитические стоянки за десятки тысяч лет, как правило, были разрушены, размывы реками и потоками воды. Орудия оказались рассеянными на поверхности, попали в русла рек и были сильно окатаны среди намытых водой слоев галечника. В таких условиях найдены почти все шелльские и ашельские орудия в Армении, Западной Грузии, на черноморских террасах Абхазии.

Только в двух пунктах — в Азыхской пещере в Азербайджане и в Южной Осетии, в пещерах Цона и Кударо, — археологам удалось выявить не потревоженные водой следы ашельских становищ. Вместе с кремневыми поделками тут лежали раздробленные кости животных, служивших добычей первобытных охотников, — главным образом останки пещерных медведей.

Стоянка Кударо расположена на высоте 1700 м над уровнем моря. Значит, уже в раннем палеолите люди проникали в высокогорье. Расселяясь из южной прародины на север в поисках новых охотничьих угодий, они неминуемо должны были перевалить через Кавказский хребет. Но в целом палеолитический человек предпочи-

тал все же не высокогорье, где среди снегов трудно найти пропитание, а речные долины. Заселенные им пещеры по реке Цхалцителе у Кутаиси, близ Чиатуры и в других местах Имеретии очень напоминают крымские гроты и навесы.

Здесь же, в плодородных долинах, тысячелетия спустя обосновались общины древнейших земледельцев. От них до нас дошли так называемые жилые холмы или, как говорят в Азербайджане и Средней Азии, тепе. Для поселения выбирали всегда небольшую естественную возвышенность, а состояло оно из глинобитных домов. Непрочные жилища довольно быстро разрушались, и новые дома строили непосредственно на развалинах старых. Благодаря этому холм рос, как на дрожжах. У порога домов высыпали золу из печек, и культурный слой получался не черным, гумусным, а серовато-желтым, золистоглинистым. Размеры холмов значительны. Высота Кюльтепе у Нахичевани около 14 м. Существовали тепе с VI—V тыс. до н. э., но характер их мало менялся и позднее, вплоть до начала железного века.

Стоянки земледельцев, как это ни странно, лишены типично горного строительного материала — камня. Все в них глиняное — и дома, и печи, и алтари, и сосуды, и статуэтки богинь. Для каркаса и перекрытия домов использовали обмазанный глиной камыш. Некоторые поселки обводили стеной из сырцовых кирпичей. Из камня делали только мелкие орудия: из обсидиана и кремня — наконечники стрел, ножи, части составных серпов; из песчаника и известняка — плиты для растирания зерна. Находят при раскопках, кроме того, остатки пшеницы, ячменя, полбы — первых злаков, возделывавшихся на Кавказе и Древнем Востоке, и первые орудия из металла — чистой меди или меди с примесью мышьяка — шилья, кинжалы, резе долота, копыя и топоры.

Иной облик у горных поселений того же времени. Это уже не мирные глинобитные деревушки земледельцев, а каменные крепости скотоводов. Именно владельцы стад, нуждавшиеся в пастбищах, летних выпасах — джайляу, начали забираться все выше и выше в горы. Именно эти люди, совершавшие набеги на соседей и угонявшие у них скот, а иногда и сами подвергавшиеся нападению, стали возводить каменные стены для защиты стад — основного богатства общины.

«Домяк карликов» — Пшадский дольмен на Черноморском побережье Кавказа

Одну из древнейших на Кавказе крепостей я раскапывал в Прикубанье, на реке Белой, у железнодорожной станции Хаджох. Высокий скальный мыс при впадении в Белую ручья Мешоко был отгорожен стеной из рваного камня. Двухметровый культурный слой залегал широкой полосой сразу же за стеной. Оконечность мыса дала, напротив, очень мало находок. По-видимому, жилища располагались по кругу вдоль оборонительной линии, создавая дополнительный пояс укреплений, а за ними была пустая площадка, куда в случае опасности загоняли стадо (в нем преобладали коровы и свиньи). Похожую планировку имеют краали скотоводов банту в Африке. Датируется стоянка Мешоко III тыс. до н. э. Большая часть орудий у ее жителей была из камня, но появились и медные вещи.

Несколько позже сложился тип характерного для горцев поселка со ступенчатым размещением улиц и домов. В Дагестане и сейчас строят жилища на склоне гор так, что крыша одного служит двором для другого. Древнейший памятник этого рода раскопала неподалеку от аварского аула Гуниб В. М. Котович. На высоте 2356 м, на скате с уклоном 35—45°, в развитом бронзовом веке, во II тыс. до н. э., стоял поселок с каменными саклями, построенными уступами на разных уровнях. И тут жили скотоводы, но разводили они преимущественно овец и

коз. Для мелкого рогатого скота как раз и нужны альпийские пастбища, окружающие это горное гнездо — последнее прибежище Шамиля.

На рубеже III и II тыс. до н. э. племена Кавказа достигли больших успехов в обработке строительного материала. С этого времени они пользовались не только равным камнем, но и тщательно отесанными блоками. У квадратных или трапециевидных в плане усыпальниц II тыс. до н. э., носящих в археологии бретонское название дольмены, стены из четырех плит, перекрытых пятой, настолько пригнаны друг к другу, что между ними нельзя, как правило, просунуть лезвие ножа. Высота гробниц 1,5—2,5 м. В передней стенке у них круглое входное отверстие. Дольмены, вытянутые длинными рядами, как дома вдоль улицы, можно увидеть и на Черноморском побережье (например, у Эшери в 4 км от Сухуми), и в Прикубанье (например, у Даховской, Гузерипля, по трассе туристского маршрута на Красную Поляну). Возник-

Город мертвых — погребальные склепы XVI—XVIII вв. у селения Даргавс в Северной Осетии

шие в ту же эпоху, что и египетские пирамиды, они порождены той же идеей — создания вечного, нерушимого жилища для покойника. Хижины строителей дольменов давно исчезли с лица земли, а их гробницы так же прочны, как и прежде. Эти маленькие каменные деревни издавна поражали воображение народов Кавказа. Адыгейцы рассказывают о них легенды — про борьбу хитрых карликов с могучими, но глуповатыми великанами. Карлики победили и заставили великанов построить для себя дома из многотонных кусков скал.

Похожи на дольмены значительно более поздние прямоугольные склепы из мелкого камня с двускатными крышами. В высокогорных районах Чечено-Ингушетии, Осетии они постоянно встречаются рядом со всеми старыми селениями. Это средневековые памятники. Кое-где в них хоронили еще в минувшем столетии. Народы, с большим почтением относящиеся к предкам, очень заботились о своих родовых кладбищах. Известно даже проклятие: «пусть будут разрушены склепы твоих родичей». Это способствовало сохранности склепов, но долго затрудняло их археологическое изучение.

В чистом холодном высокогорном воздухе мало микробов. Поэтому останки людей и положенные с ними вещи не гниют. Из склепов извлекают иногда мумифицированные трупы в одежде и обуви, деревянную и кожаную утварь и т. д. Возиться со столь свежими захоронениями не очень приятно. Зато они помогают с редкой полнотой восстановить всю материальную культуру средневекового населения Кавказа.

Другой характерный элемент высокогорного ландшафта — жилые и боевые башни. Древнейшие из них возведены в XIII—XIV вв., позднейшие — в XVIII в. Тогда тесные в прошлом племенные и общинные связи уже распались, и убежища стали строить для себя отдельные семьи, а не все односельчане вместе. Башни — круглые или квадратные в плане, диаметром метров десять и такой же примерно высоты. В них два или три этажа, узкие бойницы для огнестрельного оружия, на внешней стене — нередко знаки и рисунки. В одном поселке может быть несколько башен. Простые по очертаниям, но с удачно найденными пропорциями, стройные, устремленные в высь башни придают ингушским и сванским селениям совершенно неповторимый облик, хорошо смотрятся на фоне

Башни селения Лежги в Чечено-Ингушетии

широко раскинувшихся горных цепей и, как и они, вызывают в нашей душе чувство приподнятости, восхищения суровым величием.

Я все время говорю о Кавказе как о едином целом, но, конечно, эта обширнейшая область весьма разнообразна в ландшафтном отношении, что отразилось и на особенностях археологических памятников в отдельных его частях. Естественнее всего делить Кавказ на три зоны. Первая, в XIX в. называвшаяся «плоскостью», охватывает северные степные и предгорные районы, связанные с древним населением Украины, Подонья, Нижнего Поволжья даже теснее, чем с Закавказьем. Вторая зона — собственно Кавказ, т. е. оба склона Главного хребта; третья — Закавказье. Но, пожалуй, так же правомерно с археологической точки зрения иное деление — на две области — западную и восточную. Плодородные долины Грузии, Абхазии, Прикубанья — районы в основном земледельческие, испытавшие сильное влияние античной и византийской культур. Азербайджан, Дагестан тяготеют, напротив, к передне- и центральноазиатским культурам. Скотоводство играло здесь более крупную роль, чем земледелие. Различие этих двух регионов восходит еще к каменному веку, по крайней мере к мезолиту, выявляется при изучении памятников эпохи бронзы, сказывается и позднее. Типичные мусульманские постройки — мечети, караван-сарай, медресе в Азербайджане и Дагестане — и украшенные мозаиками и фресками христианские храмы Грузии — подчеркивают это различие даже для малосведущего в истории человека.

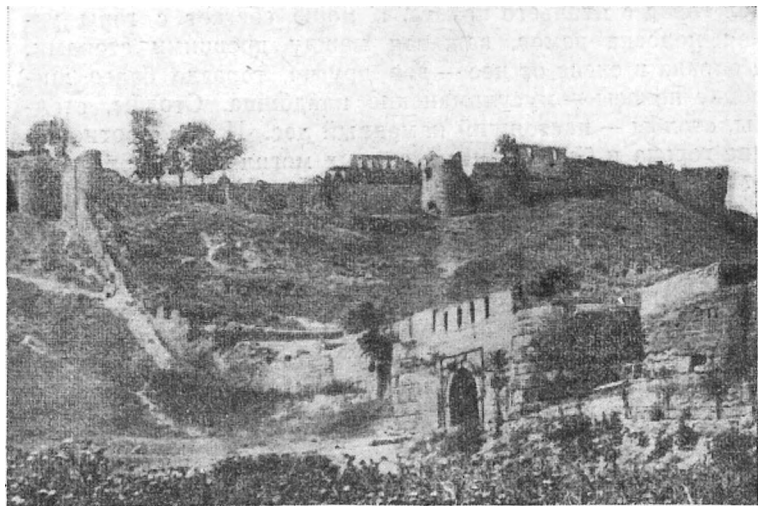
Очень своеобразен и мир высокогорий. Отделенные от соседей труднопреодолимыми скальными грядами и глубокими каньонами, поселки жили там достаточно обособленно. Недаром в Дагестане языковых групп больше, чем в каком-либо другом районе СССР, — 30 языков и 70 диалектов.

В этих условиях в жизни Кавказа с давних пор большое значение приобрели горные дороги и перевалы. Археологически изучить дороги почти невозможно, но учитывать, как они проходят сейчас и, вероятно, проходили в древности, надо обязательно. Когда мы копали стоянку Мешоко, оказалось, что тождественные ей по составу находок поселения открыты не на Северном Кавказе, а по ту сторону хребта — в Воронцовской пещере на реке Ку-

депсте. Оба пункта — и Хаджох, и село Воронцовка лежат на знакомой сотням туристов тропе, выходящей по речным долинам через Гузерибль, перевал Псеашхо, Красную Поляну, а оттуда вниз — на побережье, к Адлеру.

Немногочисленность дорог и перевалов делала их уязвимыми для нападения и в то же время облегчала создание оборонительных линий. Самыми удобными дорогами с севера на юг искони были две — вдоль берега Черного и вдоль берега Каспийского моря. Степные кочевники, начиная с киммерийцев, периодически прорывались то тем, то другим путем к богатым торговым центрам Закавказья и Передней Азии. Между кромкой моря и круто поднимающимся от него горным кряжем в средневековье были возведены поэтому мощнейшие каменные укрепления. На западе — это «Великая Абхазская стена». Первое звено ее расположено в 5 км к югу от Сухуми, у устья Келасури. Потом она идет, так же как Военно-Сухумская дорога, на север по Цебельдинскому ущелью. Длина этой соперницы Китайской стены — около 60 км, на ней 279 башен. Предполагается, что соорудили ее в византийскую эпоху, приблизительно в VI в., но не исключено, что она на тысячу лет моложе.

Стены древнего Дербента

На востоке Кавказа — знаменитые ворота Дербента, ворота потому, что персидское «дербенд» означает «дверь», «ворота на запоре», «застава». Две параллельные друг другу и перпендикулярные берегу Каспия линии стен поднимаются от моря в горы к крепости Нарын-Кале, они прочно запирали единственный в этом районе проход в Закавказье и далее во владения Персии и Византии. Длина стен — до 2 км, толщина каждой — 3,5 м, расстояние между ними — 400 м. Построены они в V—VI вв.

Каменные ворота Кавказа оставляют неизгладимое впечатление. О них с восхищением рассказывали в своих записках путешественники Рубрук, Кантарини, Олеарий, посещавшие Дербент в ту пору, когда он полностью сохранял оборонительное значение. Участник персидского похода Петра Великого Дмитрий Кантемир — отец поэта — снял план дербентских укреплений, а описание их стало одной из первых русских археологических публикаций в мемуарах Петербургской Академии наук. В Дербенте отбывал солдатскую службу высланный на Кавказ декабрист А. А. Бестужев-Марлинский. В характерном для него романтическом стиле он описывал город как «огромного удава, который под чешуею домов растянулся с горы на солнышке и поднял свою зубчатую голову крепостью Нарын, а хвостом играет в Каспийском море»⁷.

Я тоже никогда не забуду это место. Взобравшись к Нарын-Кале по каспийским террасам, я обернулся и увидел город с птичьего полета. К морю сбегает с горы узкая полоска домов, зажатая между древними стенами, а справа и слева от нее — две другие, гораздо более широкие полосы — мусульманские кладбища. Столбы, столбы, столбы — настоящий каменный лес. И это соотношение города и бесчисленных старых могил потрясает, делает время столь же зримым, как в Чуфут-Кале.

Таким и вспоминается мне всегда Кавказ — горские аулы, лезущие вверх, как по лестнице, рядом с ними — склепы и башни, древние храмы на скальных мысах и холмах, крепостные стены, обрамленные тысячами могил. А где-то надо всем этим неправдоподобно белые вершины, снег идеальной чистоты. Они то растворяются в воздухе и не видны целыми неделями, то вдруг выступают предельно четко и кажутся удивительно близкими...

В Крыму и на Кавказе на первый план выступают средневековые древности — пещерные города, крепости, христианские и мусульманские храмы и монастыри. Казалось бы, так должно быть везде: особенно много следов на земле оставляет наиболее близкая к нам эпоха. В действительности это заключение далеко не всегда правильно. Как ни красивы и эффектно мечети Каира, туристов, посещающих Египет, поражают не средневековые постройки арабов, а руины зданий и надмогильных сооружений III—I тыс. до н. э. — пирамиды, обелиски, колоссальные статуи сфинксов. В нашей стране тоже есть районы, где характерным элементом ландшафта стали не поздние, а относительно ранние памятники прошлого. Таковы хотя бы степи Северного Причерноморья, Нижнего Поволжья, Предкавказья и Казахстана.

На бескрайней равнине, раскинувшейся от Днепра до Прибайкалья, взор путешественника то и дело останавливается на больших и малых курганах. После раскопок, проведенных за последние 100 лет, мы знаем, что под самыми высокими насыпями похоронены люди бронзового века и кочевники из скифских, сарматских, сакских и других ираноязычных племен периода раннего железа.

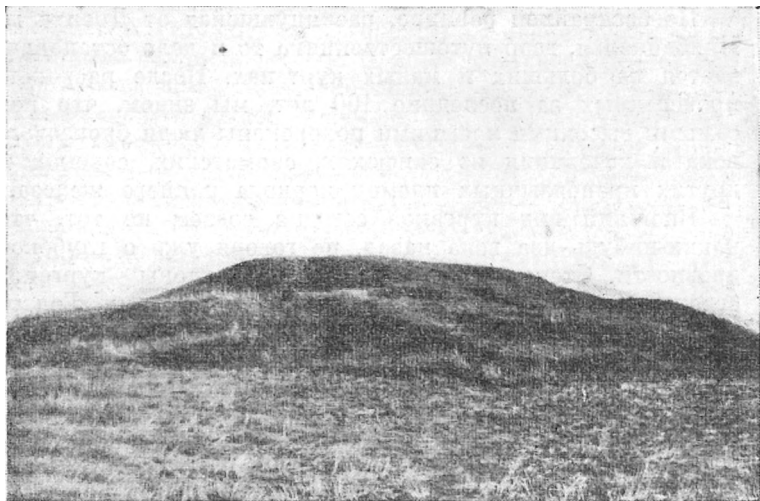
Внешний вид курганов сегодня совсем не тот, что каких-нибудь два века назад, не говоря уже о глубокой древности. Степь распахана. Крутые склоны курганов сглажены, снивелированы плугами и тракторами. Год от года насыпи становятся все ниже и шире.

А ведь не так давно, как писал Гоголь в «Тарасе Бульбе», все «пространство... до самого Черного моря было зеленою, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытоптывали их... Вся поверхность земли представлялася зелено-

золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов... Воздух был напоен тысячью разных птичьих свистов»⁸. Теперь, чтобы посмотреть на девственную ковыльную степь, надо поехать в Асканию-Нова. Непаханные участки найдем мы и на востоке — в Заволжье, Казахстане, но эти степи иные, чем в Причерноморье. Горячее дыхание Азии высушило их. Покрытые серой колючкой казахстанские равнины унылы, однообразны. Лишь короткой весной оживляют их яркие чашечки тюльпанов.

В древности на травянистых просторах паслись табуны непуганых зверей: сайгаков, диких лошадей — тарпанов. Еще Владимир Мономах вспоминал в своем «Поучении детям» об охотах, когда ему доводилось вязать по десятку-другому тарпанов. Нынче крупные звери перевелись, но по-прежнему снуют между норками суслики и тушканчики, те самые «сусолы», что, по уверению летописца, служили пропитанием «поганым» половцам. Порою мелькнет в траве высокая шея дрофы. Любопытная эта птица вошла в археологическую литературу. Из желудков дроф, убитых на Украине, вынимали римские монеты I и II вв. н. э. и кремневые наконечники стрел.

Курган на окраине Ростова-на-Дону

Видимо, птицы, глотающие камешки и песок, способствующие перетиранию пищи, набрали где-то в развеевнных дюнах на обнаженные ветром клады римских монет (их немало на нашем Юге) и россыпи неолитических орудий и расклевали их.

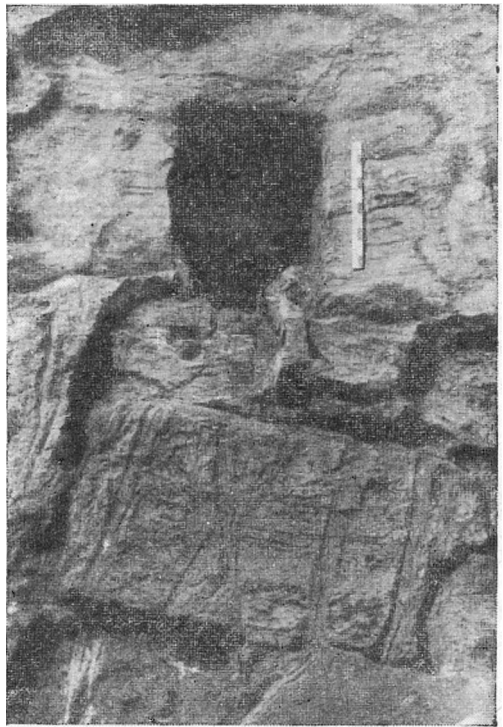
Среди моря трав, безлюдья и птичьего разноголосья курганные поля выглядели совсем по-другому. На высоких земляных пьедесталах нередко стояли каменные изваяния: скифские — фигуры воинов с мечом-акинаком на боку и рогом в руках, половецкие — скульптуры женщин в затейливых головных уборах, с чашей, прижатой к животу, и более ранние — эпохи бронзы — прямоугольные плиты с выступом головы и намеченными гравировкой чертами лица, поясом, оружием.

Обычно думают, что курганы насыпаны над прахом умерших, положенных на земле или в узкой и тесной могиле, как на наших кладбищах. Бывает и так, но, как правило, картина гораздо сложнее. При раскопках глубоко в грунте археологи обнаруживают обширные помещения — погребальные склепы со ступенчатым входом, выложенные камнем или окруженные деревянным срубом. Внутри насыпи прослеживаются опоясывавшие ее некогда, а потом заплывшие землей кольца из валунов или поставленных на ребро плит — так называемые кромлехи — и разнообразные деревянные конструкции. Кое-где удается проследить, что насыпь была сложена из дерна. Значит, перед нами не бесформенные кучи земли, а остатки подлинных архитектурных сооружений, не насыпи в точном смысле этого слова, а сильно пострадавшие от времени постройки из дерна, дерева и камня. Форма их не всегда была полушарной. Иногда то был земляной конус, закрытый бревенчатым шатром и увенчанный каменной или деревянной статуей (деревянные половецкие бабы, совсем такие, как каменные, найдены на Нижнем Дону), шестом с привязанным к нему флагом или конским хвостом, вертикально поставленным мечом (об этом писал Геродот); иногда — напротив, возвышение с плоской вершиной. Но в любом случае это настоящие надгробные памятники, возведенные в расчете на то, что их будет видно издалека на необозримом степном пространстве. Дожди и ветры на протяжении столетий обрушивались на поверхность курганов и постепенно придали им форму, свойственную всякой естественной возвышенности.

Раскапывают курганы целиком, на снос, тщательно реконструируя первоначальный облик архитектурного сооружения. Вырыть яму в центре насыпи и пройти таким путем до главного захоронения, оставив нетронутой землю по краям, археолог-профессионал никогда себе не позволит.

Курганы издавна интересовали людей. В народе рассказывали легенды о несметных сокровищах, закопанных в какой-нибудь Литой или Толстой могиле, в Перепете и Перепетихе, Солохе и Чертомлыке. Основа этих преданий реальна. В богатых скифских захоронениях действительно зарыты золотые вещи. Уже с той же скифской эпохи курганы принялись грабить. Следы хищнических раскопок можно отыскать и сейчас. Если курган копали сверху, колодцем, на его вершине видна заплывшая воронка, если к сокровищам пробивались сбоку, очертания насыпи стали полулунными. Насыпи причудливой формы — на Украине их называют майданами — долгое время казались археологам особой категорией памятников. Потом выяснилось, что это всего-навсего разрушенные курганы.

Грабительские раскопки продолжались на Юге вплоть до Октябрьской революции. Ими увлекались украинские чумаки и степные помещики. Некоторые кладоискатели руководствовались сочиненными кем-то грамотами, где в туманных выражениях указывалось, в каком бугре спрятаны сундуки с золотом. Несколько подобных инструкций попало в печать. К сожалению, усилия корыстолюбивых раскопщиков для науки пропали даром. Наткнувшись на сгнившие кости и грубые глиняные горшки, разочарованные кладоискатели бросали изуродованный курган, представляя археологам гадать, что в нем было до этого. Один лишь венецианец Барбаро, копавший в 1437 г. на Нижнем Дону, довольно сумбурно описал свое неудачное предприятие. Два столетия назад раскопки приобрели исследовательский характер. В 1763 г. хорошую коллекцию скифских вещей добыл в Литой могиле под Елисаветградом (ныне Кировоград) генерал А. П. Мельгунов. Позже она поступила в Эрмитаж. В 1834 г. изучал нижне-волжские захоронения с каменными бабами пастор из Сарепты Г. Цвик. Но научная классификация древних могил степной полосы была создана только в конце прошлого — начале этого века археологами-специалистами И. Е. Забелиным, Н. И. Веселовским, В. А. Городцовым.

След сгнившей деревянной колесницы II тыс. до н. э. обнаружен под насыпью кургана в станице Ново-Титаровской Краснодарского края

Теперь мы знаем, что первые курганы в Поволжье и Причерноморье были возведены в III тыс. до н. э. Размеры их весьма внушительны — до 8 м в высоту. Иногда земляные холмы обводили кромлехами из притащенных за много километров плит известняка. Покойники лежат в скорченном положении с подогнутыми ногами в густо засыпанных охрой больших квадратных ямах, перекрытых камнем и деревом. Находок в ямах или совсем нет, или очень мало — один-два лепных горшка, кремневые и, реже, плоские медные ножи. Неудивительно, что такие «погребения со скорченными и окрашенными костяками» воспринимались археологами как доказательство чрезвы-

чайного примитивизма ямной культуры. Ее приписывали бродячим охотникам и собирателям. Перекрытия могил в виде конуса из прутьев натолкнули на мысль, что и жили эти охотники в легких шалашиках. Накопление фактов заставило пересмотреть эти выводы. В ямных захоронениях нашли остатки деревянных колесниц с цельными, без спиц, колесами, каменные статуи людей или человекоподобных богов с оружием в руках. Открыты и укрепленные поселения того же времени. Эти новые находки позволяют утверждать, что племена ямной культуры занимались не охотой, а скотоводством. Вместе со своими стадами они продвинулись из степей Заволжья на запад и достигли даже Балканского полуострова. С Северного Кавказа им регулярно привозили медные и бронзовые орудия и украшения. Вполне понятно, что у этого достаточно развитого общества возник погребальный обряд, требовавший увековечить память умершего высоким надгробием из земли, камня и дерева.

Не меньше в степях и могил II — начала I тыс. до н. э. Под их насыпями скрыты и ямы, и более сложные конструкции — катакомбы, подземные склепы, вырытые в стенке могилы и загороженные плитами, или квадратные помещения, обложенные бревенчатым срубом. Когда в степных селах вы слышите историю о том, как бык или трактор провалился в яму на кургане, речь идет обычно о катакомбе бронзового века или о склепе эпохи железа. В катакомбах и срубах металла уже порядочно. Это — копья, кинжалы, топоры.

Еще эффектнее скифские и сарматские курганы второй половины I тыс. до н. э. Самые крупные из них, вроде Чертомлыка на Днестре, достигают в высоту 20 м, а в окружности — 350 м. Под этими гигантскими насыпями тоже находятся склепы, катакомбы, срубы, но около костяков лежит куда больше вещей: колчаны, полные стрел с медными наконечниками, и железные мечи, глиняные амфоры греческой работы и всевозможные ювелирные изделия, привезенные из античных колоний Северного Причерноморья, большие бронзовые котлы для варки мяса и парадные золотые и серебряные сосуды со сценами из жизни кочевников. Дореволюционные находки из Чертомлыка, Солохи, Карагодеуашха украшают Эрмитаж и известны далеко за пределами СССР. Недавние раскопки показывают, что древние степные кладбища отнюдь

Половецкая каменная баба

не исчерпаны и на радость искусствоведам и историкам еще не раз подарят первоклассные произведения скифских и греческих мастеров.

Очень часто и в бронзовом, и в железном веке вместо того, чтобы сооружать новый курган, покойников хоронили в насыпи старых. Поэтому в них помимо главной, центральной могилы оказалось некоторое количество так называемых впускных. Изучение того, какое погребение совершено раньше, а какое позже, позволяет наметить периодизацию древностей и сделать существенные исторические выводы. Это еще одна причина, по которой землю снимают всю, а не врезаются колодцем в центр насыпи.

Увеличение числа впускных могил к середине железного века отражает угасание обрядности, вызвавшей строительство земляных надгробий. Люди начали уклоняться от трудоемкой работы по возведению могильных холмов, беречь силы и время для других, более насущных дел. В I и II тыс. н. э. новых курганов появилось сравнительно мало, да и размеры их не так велики, как прежде. Пришедшие на смену иранцам — скифам и сарматам — кочевники-тюрки — печенеги, торки, половцы, памятные по летописным рассказам об их набегах на Киевскую Русь, — почти всегда хоронили усопших в старых насыпях. Зато именно половцами в XII—XIII вв. в изобилии расставлены по степи знаменитые каменные бабы. В «Книге Большому Чертежу» 1627 г. постоянно упоминаются как ориентиры то «девка каменная», то «человек камен» на том или ином степном кургане. В XIX в. статуи растащили. Их вкапывали вместо верстовых столбов вдоль дороги на Таганрог, чтобы позабавить Александра I. Помещики увозили их для украшения своих парков, крестьяне использовали как строительный камень — на фундаменты домов и просто на щебень. Нынче уцелевшие изваяния перевезены во дворики южных музеев. В отрыве от степи, от высокого земляного пьедестала они проигрывают и кажутся примитивными истуканами. И все же при всей застылости поз есть в них своя прелесть.

Курганы — основные археологические памятники нашего Юга. Время не пощадило их, но без этих теперь уже низких, распаханых холмов невозможно представить себе волжские и черноморские степи. Не обязательно останавливаться около каждого из них, но стоит понаблюдать, как медленно надвигается на тебя курган, пока ты

к нему подъезжаешь, как он растет на глазах, как поворачивается другой стороной, когда едешь мимо него. По крымским и кавказским долинам интересно ходить пешком. По степи с ее однообразием ландшафта и бескрайностью простора хочется мчаться вдаль. И вот, тащитесь ли вы на волах в неторопливом темпе, столь пленительно описанном Чеховым, скачете верхом или несетесь на автомобиле, курганы неизменно будут рядом с вами. Там — полный сурового величия, неподвластный плугу одинокий крутой бугор, зеленой шапкой высящийся среди черной пахоты, тут — целые могильные поля. Пыль застилает дорогу, и неожиданно вам чудятся вокруг кочевые кибитки, конские табуны, пасущиеся в девственной степи, скифские воины, строящие из дерна памятник над прахом своего товарища, таинственные идолы на вершинах курганов.

Ну, а где же поселения людей, похороненных в курганах? Заметить их гораздо труднее, чем остатки жилищ того же времени в горных районах. В степях нет пещер, мало камня, нет, следовательно, и каменных крепостей и домов. Редкие выходы скал поражали воображение обитателей причерноморских равнин и превращались в святилища. Таков песчаниковый холм Каменная могила на реке Молочной выше Мелитополя. На стенах неглубоких ниш и на открытых плитах в неолите и бронзовом веке охотники и скотоводы вырезали силуэты животных и какие-то геометрические композиции.

Следы поселений надо искать по берегам мелких, пересыхающих летом степных речушек, на развеваемых песках — кучугурах — вдоль стариц Днепра. Здесь мы найдем и кремневые неолитические орудия, и бронзовые трехгранные наконечники скифских стрел, и обломки древнегреческих амфор, и глиняные запорожские трубки-люльки, и фрагменты средневековых сосудов с ребристыми ручками, почему-то получившие у украинцев название «ногайске вухо». Все это рассеяно по поверхности, настоящие же культурные слои встречаются редко. Жизнь степняков проходила в странствиях на колесах, а тонкие слои кратковременных стойбищ быстро разрушались водой и ветром.

Выявлены на Юге и палеолитические стоянки. На окраине Волгограда в балке Сухая Мечетка раскопано мустьерское поселение. Оно скрыто под 20-метровой тол-

щей глинистых отложений. Во второй половине четвертичного периода произошла трансгрессия Каспия. Соленая вода нахлынула на нынешние низовья Волги и в течение столетий плескалась над заселенными в предшествующую эпоху районами. Потом море отступило, оставив мощный пласт глины. В нашей стране это одно из наиболее зримых свидетельств изменения природной обстановки за время жизни человека. Волжские неандертальцы охотились преимущественно на дикого быка. Добывали его и люди, жившие в позднем палеолите в Приазовье. Рядом с их стоянкой Амвросиевка обнаружено скопление костей бизонов — останки не менее чем тысячи особей.

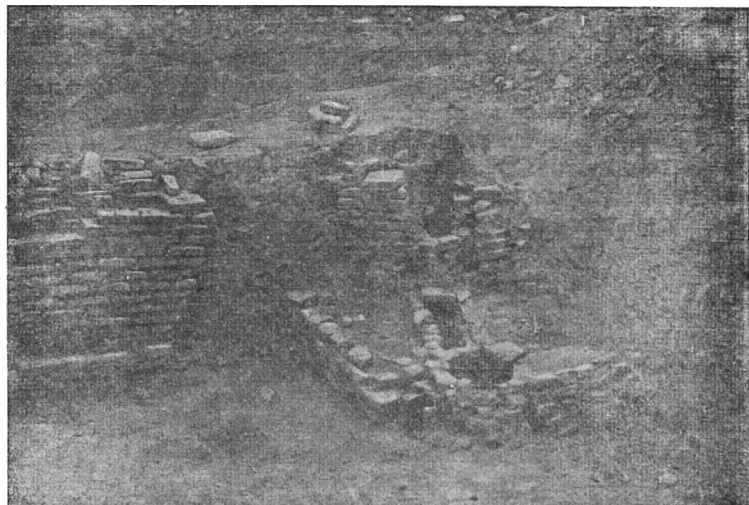
Следующий этап развития культуры, хорошо известный по раскопкам, связан уже с поселениями скотоводов бронзового века. Перед строительством Волго-Донского канала археологи тщательно осмотрели всю зону затопления. Около хутора Ляпичева они собрали черепки сосудов срубной культуры II тыс. до н. э. На площади стоянки четко выделялись удлиненные западины глубиной 30—70 см, покрытые ярко-зеленой травой. Легко было догадаться, что это ямы жилищ, заплывших землей. Скопление культурных остатков на дне землянок и задерживавшаяся в ямах вода и дали такую буйную растительность. При раскопках жилищ установлено, что размеры их 14×9 ; 12×8 ; 15×8 м, а первоначальная глубина — 1—1,6 м. Площадь домов равнялась 100—120 м². Круглые пятна в полу землянок обозначали места сгнивших бревен — вкопанных вертикально стояков, поддерживавших кровлю. Удалось реконструировать ее в виде пирамидального свода с плоским верхом. Судя по распределению находок, части землянок были отведены для содержания скота. Таким образом, основным строительным материалом в степях долгое время служили дерн, земля. Только перекрытия жилищ делались из дерева. Небольшие рощи до сих пор уцелели кое-где по долинам Днепра, Дона, Северного Донца.

Положение изменилось, когда был освоен кирпич. Его изобрели на Древнем Востоке еще в неолите, но в степной полосе с ним познакомились поздно — в развитом средневековье. Впервые использовали его в этих краях хазары в крепости Саркел — русской Белой Веже, на Нижнем Дону. Византийский историк Константин Багрянородный сообщает, что император Феофил послал в

834 г. к хазарам Петрону Каматира, дабы он научил северных союзников искусству фортификации. Руины Саркела отыскивали в конце прошлого века близ станицы Цымылянской благодаря тому, что для своих строительных нужд ее жители постоянно брали кирпич из каких-то древних развалин. Сейчас Саркел лежит на дне водохранилища, но до затопления его успели неплохо исследовать. Город был окружен массивной оборонительной стеной толщиной 3,75 м. Кирпичи в ней не узкие и высокие, как у нас, а квадратные и плоские, размером $25 \times 25 \times 6$ см, спаянные известью. Известь получали, обжигая речные голыши. В глину добавляли рубленый ковыль. Сформованные блоки сушили на солнце, а затем прокаливали в специальных печах. Такая технология отличается от византийской и больше похожа на закавказские строительные традиции. Видимо, византийцы преувеличивали свой вклад в культуру Хазарии.

На кирпичачах иногда заметны отпечатки собачьих лап, овечьих копыт, ребячьих ног. Эти следы удивительно одушевляют прошлое, так, как это недоступно самой бога-

Развалины кирпичных построек XIV в. на золотоордынском Царевом городище на Волге

той древней могиле с расчищенным ножами скелетом и кучей драгоценных находок. Слабый след плоти ощутимей, реальней для нас, чем скелет с набором интересных, но мертвых вещей. Мы не можем представить себе облик человека, жившего тысячи лет назад, по его черепу, но, едва взглянув на неглубокие вмятины на поверхности глины, сразу же видим и мохнатого пса, и курчавого ягненка, и гонящуюся за ними гурьбу веселых мальчишек.

Из Хазарии и Византии кирпич проник и на Русь. В 989—991 гг. его уже применили у нас при сооружении Десятинной церкви в Киеве.

Золотоордынские города на Нижней Волге тоже были возведены из кирпича. В XVIII в. год за годом караваны барж переправляли его, по словам академика П. С. Палласа, из развалин Сарая — Селитряного городка в русский губернский центр Астрахань. На обширном пространстве, занятом некогда столицей ханства, всюду разбросаны обломки глиняных изделий — водопроводных труб, кирпичей, ярких поливных изразцов. Строительная керамика прочно вошла в быт Золотой Орды. Но здесь сказываются иные традиции — не южные, а восточные, среднеазиатские.

Еще шире были распространены в степях жилища третьего рода — войлочные кибитки на колесах. Мы знаем их по глиняным моделькам, найденным при раскопках, по рисункам на стенах античных керченских склепов и на страницах русских летописей, по многочисленным этнографическим параллелям. Долгое время степи оставались кочевым миром. Должно быть, поэтому и древности степей выпрышней всего выглядят, когда ты едешь мимо них, устремив взор к далекому горизонту и наблюдая, как бегут вдоль дороги большие и малые курганы, напоминающие по контурам кибитки кочевников.

Днепр с древнейших времен был важной историко-этнографической границей. Сейчас он остается важным ландшафтным рубежом. К востоку от него простираются степи, к западу раскинулись лесистые и холмистые районы Волыни, Подолии, Галичины, Молдавии, постепенно повышающиеся по направлению к Карпатам, но богатые скальными выходами и ближе к Днепру. Сочетание зелени лиственных лесов со скальными обрывами несколько напоминает горный Крым, но реки здесь не мелкие, быстро бегущие по каменистому ложу, а большие, с плавным спокойным течением, сады же и виноградники всюду перемежаются обширнейшими пахотными участками.

Все, вместе взятое, делает берега Тетерева, Южного Буга, Днестра, Прута, низовья Дуная удивительно живописными. Незабываем вид, открывающийся с высокого левого украинского берега Днестра на низкий правый молдавский берег. Мне особенно врезался в память обзор с 60-метровой кручи у древнего города Бакоты, известного по летописям с 1240 г., опустошенного татарами и доживавшего свой век как православный монастырь. Прямо под тобой — белый известняковый откос с вырубленными в нем кельями (в одной из них уцелела русская надпись XIII столетия), под ним блестит на солнце излучина могучей реки, прославленной под именем Тираса еще Геродотом, а за ней — до самого горизонта тянутся черные квадраты пахоты, зеленые перелески, веселые мазанки молдавских деревень.

Правобережье и в прошлом, и в настоящем — область земледельческая. Только вдоль берега Черного моря далеко на запад вклиниваются степи, такие же, как в Нижнем Поволжье, усеянные такими же курганами. Не раз вторгались кочевники и в центр украинской лесостепи. Но в основном это был район мирного оседлого на-

селения. Уже в V в. до н. э. «отец истории» Геродот называл обитателей этих мест не просто скифами, а скифами-пахарями. Археологические же исследования показывают, что земледелие зародилось в Днестровско-Днепровском междуречье минимум за три с половиной тысячи лет до Геродота.

Ежегодная интенсивная распашка нарушила культурные слои бесчисленных стоянок и селищ, сотни могильников, но благодаря этому на поверхности земли оказалось множество древних вещей, и они бросаются в глаза даже не слишком наблюдательному человеку. Теперь, когда при сельских школах возникли народные краеведческие музеи, весной и летом ученики притаскивают туда целые мешки кремневых орудий, черепков ярко расписанных сосудов, римские монеты и другие любопытные предметы. Посмотримся и мы к этим памятникам прошлого.

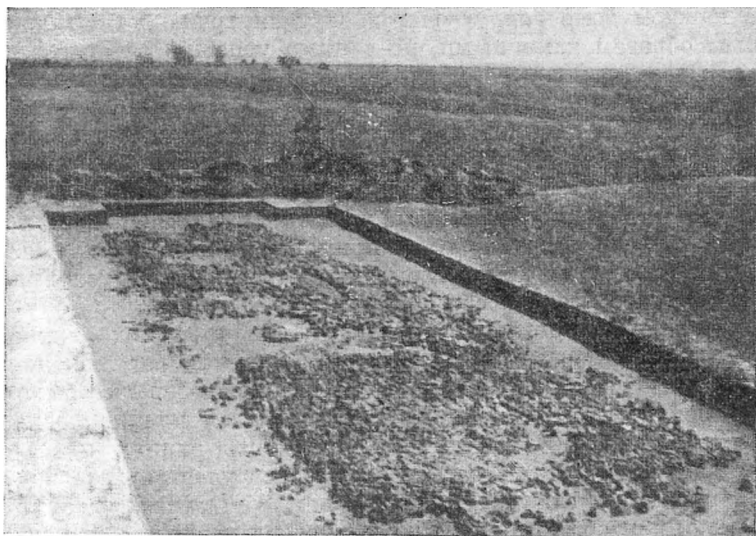
Археологические находки на Правобережье связаны преимущественно с высокими террасами и уступами лёссовых плато. Там, на мысах, удобных для обороны и хорошо защищенных склоном от ветра, рядом со своими полями, традиционно селились первобытные общины. Самые ранние находки относятся к палеолиту. На пахоте попадаются выразительные изделия из высококачественного днестровского кремня — ножи, скребки, остроконечники. В непотревоженных слоях этого времени, в желтой лёссовой толще, обнажившейся в стенках оврагов и обрывах берега, можно обнаружить крошащиеся на пластинки бивни мамонта и кости других крупных животных, убитых палеолитическим человеком. В разрезе прослеживаются зольные линзы от костров, погасших тысячи лет назад, скопления расколотых кремней. Очищенные от мяса кости служили людям строительным материалом. На Днестре, у села Молодова, изучены древнейшие в СССР остатки круглого жилища с каркасом из костей мамонта, сооруженного еще в период мустье неандертальцами. В Молдавии открыты и пещерные палеолитические стоянки, похожие на крымские и кавказские.

Превосходный днестровский кремень использовали для изготовления орудий вплоть до бронзового века. К этой эпохе россыпи кремня на поверхности были уже частично исчерпаны, а, кроме того, люди заметили, что камень, долго лежавший на солнце, высыхает и трескается, тогда как желваки, извлеченные из земли, как поделочный ма-

тернал несравненно лучше. Так появились первые шахты. Ими были, скорее всего, искусственные пещеры на крутом склоне Белой Горы у села Студеница на Днестре. Жилых слоев в них нет, да и размеры пещерок невелики. Должно быть, эти углубления отмечают места, где из пласта осадочных пород выламывали заключенные в них конкреции кремня. На стенках ниш кое-где видны желобки от удара узким землекопным инструментом — вероятно, киркой из оленьего рога. Чтобы потолок не обрушился, работающие через несколько метров оставляли опорные столбы.

Уже в конце каменного века на Правобережье охотничий быт сменился земледелием. Из памятников, характеризующих сложение производящего хозяйства, наиболее известны трипольские стоянки IV—III тыс. до н. э., названные так по селу Триполье на Киевщине, где они были впервые раскопаны. Трипольцам и принадлежат лепные, ярко расписанные черной, красной и белой краской сосу-

Раскопки трипольской стоянки Коломийщина в Поднепровье. От прямоугольного дома пятитысячелетней давности осталось скопление кусков обожженной глины

ды, обломки которых в несметном количестве встречаются на пахоте. Среди них мы найдем и объемистые корчаги для хранения запасов зерна, и изящные по очертаниям тонкостенные чаши, и вазы из парадных столовых сервизов. Вместе с черепками всегда можно отыскать и бесформенные куски обожженной глины, так называемую обмазку, или печину. После семидесятилетних раскопок мы знаем, что это не просто комья глины, побывавшие в огне, а фрагменты древних построек. Подобно первым земледельцам Закавказья, трипольцы возводили свои дома не из камня, а из глины. Собранная на пахоте обмазка и представляет собой остатки плотно утрамбованных, а потом обожженных полов, части покрытых глиной плетневых стен и сводов печей. Иногда на обмазке стпечатывались прутья, листья лопуха, стебли злаковых растений.

Раскопки трипольских стоянок позволяют с достаточной полнотой реконструировать облик земледельческих поселков и некоторые особенности быта их обитателей. Прямоугольные в плане дома располагались по кругу или спирали. Стены их украшала роспись. Внутри находились глинобитные печи и крестовидные алтари. Около них стояли сосуды, лежали каменные плиты для растирания зерна. Нередкая находка на трипольских стоянках — глиняные статуэтки женщин. Эти домашние божки восседали в каждом доме вокруг очагов. Орудия труда были главным образом каменными, но с ними успешно соперничали и первые медные вещи. На полях возделывались пшеница и ячмень. На лугах паслись стада крупного и мелкого рогатого скота и свиней.

Трипольских стоянок очень много и в Поднепровье, и на Буге, и на Днестре. Близ самого села Триполье их выявлено 14. По расчетам археолога С. Н. Бибикова, на площади 400 км² жило тогда примерно 7500 человек, т. е. по 19 человек на квадратном километре. Бибиков исходит из того, что поселки состояли из 30—40 домов (это документально установлено раскопками), а в домах жили большие семьи из представителей трех-четырёх поколений. Видимо, на заре бронзового века Правобережье было заселено весьма плотно. Но есть и другая причина обилия трипольских памятников. Оседлость ранних земледельцев была относительной. Расчистив участок леса под пашню, спалив срубленные деревья и тем самым удобрив землю, первобытные люди через несколько лет совершен-

но ее истощали, вынуждены были перебираться куда-нибудь по соседству и начинать весь цикл земледельческих работ заново. Прежнее заброшенное поле постепенно зарастало лесом, земля отдыхала, и некоторое время спустя сюда можно было вернуться. Поэтому на трипольских стоянках зачастую прослеживается по нескольку культурных слоев, свидетельствующих о периодическом возвращении людей на одно место. Потому же при изучении поселений определенного района их удается расположить в длинный преемственный ряд, ибо из пункта А люди переселились в пункт Б, оттуда — в В, а затем опять в А...

Как обрабатывали землю трипольцы, археологи пока что не решили. Возможно, у них уже был плуг — на глиняных фигурках бычков с трипольских стоянок порой нанесены краской какие-то линии, напоминающие упряжь. Но не менее вероятно, что земледелие было еще не пахотным, а мотыжным. Роговые наконечники мотыг неоднократно находили при раскопках трипольских жилищ.

На тысячу лет моложе Триполья другая любопытная категория памятников земледельческой культуры на Правобережье — зольные холмы. Больше всего их под Уманью. Там, у села Белогрудовка, они были впервые раскопаны и соответственно называются в археологии зольниками белогрудовского типа. Это плоские бугры диаметром от 12 до 50 м и высотой 20—50 см, образующие группы от 2 до 40 насыпей. Сначала их принимали за курганы, но ни скелетов, ни могильных ям как в материке под насыпью, так и в ней самой ни разу никто найти не сумел. Заметно отличается от структуры курганных насыпей и слой, насыщенный золой и черепками. Тогда предположили, что это всего-навсего мусорные кучи, отвалы золы, высыпанной из печей на окраине поселений, но это предположение тоже не оправдалось. Зольники всегда лежат на неудобных для жизни водораздельных грядах, далеко от реки, а слой с находками за пределами холмов резко обрывается. В то же время по берегам рек открыты вполне обычные стоянки с керамикой белогрудовского типа, но никаких зольников около них нет. Наконец, при раскопках холмов наблюдаются интересные детали. Зольник вырос над небольшой круглой глинобитной площадкой. Потом покрывавшую ее кучу пепла обмазывали глиной, наверное, для того, чтобы уберечь золу от развеивания ветром. Среди находок обра-

щают на себя внимание миниатюрные, словно игрушечные, сосудики, слишком мелкие для бытовых надобностей, глиняные статуэтки и лепешки, похожие на хлебцы.

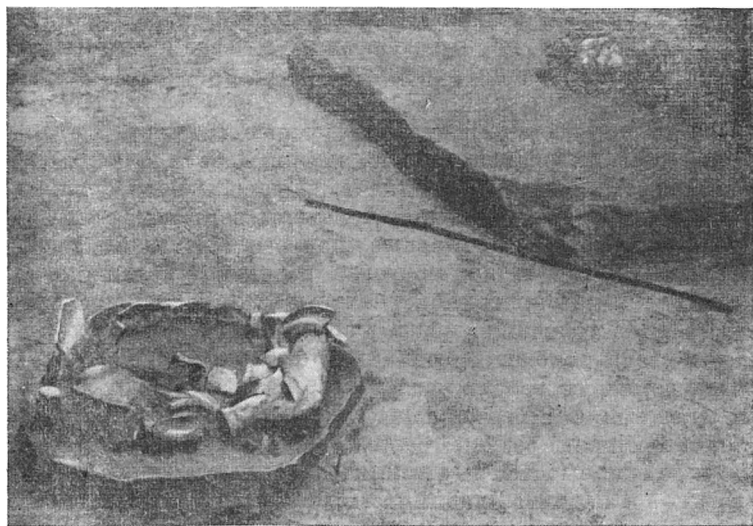
Все это подсказывает, что перед нами культовые памятники. У земледельческих народов с глубокой древности и до сравнительно недавнего времени были распространены культы огня. В дни праздников урожая на специальных жертвенных местах сжигали снопы, соломенные чучела, телеги — символ колесницы, на которой, как когда-то думали, солнце передвигается по небосводу, и другие культовые предметы, а зола от них тщательно собиралась. Остатками подобных обрядовых действий, совершавшихся в святилищах, расположенных в стороне от поселений, и являются, судя по всему, белогрудовские зольники. В людях, зажигавших жертвенные костры на Уманщине в IX—VII вв. до н. э., археологи видят непосредственных предков геродотовых скифов-пахарей. Зольники, аналогичные белогрудовским, но с более поздней скифской керамикой в лесостепной полосе тоже изучены.

У скифов Правобережья, как ясно и по их древнему племенному наименованию, земледелие было уже плужным. Геродот пересказал скифскую легенду об упавших с неба золотых плуге и ярме. Подойти к этим раскаленным вещам смог только Колоксай, сын Таргитая, и это знамение определило, кому возглавить скифский народ. Быть может, поздним отголоском этого предания служат строки о золотом лемехе в русской былине о Микуле Селяниновиче. Находки в нескольких торфяниках на Украине познакомили нас с подлинными, а не легендарными скифскими плугами. Они были легкими, деревянными, иногда с железным сошником. Тем интереснее переданный Геродотом миф о почете, окружавшем у скифов труд земледельца.

К тому же периоду, что и белогрудовские зольники, относятся древнейшие на Украине могильники с трупосожжениями. Этот крайне редкий в степной полосе обряд захоронения стал господствующим в лесостепном Правобережье в конце I тыс. до н. э. и в начале нашей эры. Видимо, представление о всеочищающем огне особенно свойственно населению лесов, где из столетия в столетие ритуальные костры горели и во время охотничьих, и во время земледельческих праздников. Над могильниками с

трупосожжениями, или, по археологической терминологии, полями погребальных урн, курганных насыпей обычно нет. Просто в том или ином месте плут крестьянина задевает за горшок с пеплом, прикрытый другим сосудом. Потом чуть дальше обнаруживаются еще два-три горшка. Если сюда сразу же придут археологи, будет раскрыто целое кладбище из таких урн с прахом покойников. Время этих памятников — римское. Великая держава древности оказывала на Правобережье заметное влияние. Римские провинции Дакия и Нижняя Мёзия находились совсем рядом с Прутско-Днестровским бассейном. Оттуда приезжали купцы, а порой шли и легионы завоевателей. Клады римских монет во множестве встречаются на Украине и в Молдавии, и чем западнее от Днепра, тем в большем количестве. В полях погребений влияние римской провинциальной культуры тоже очень чувствуется — и в форме глиняных плошек и ваз, и в бронзовых застежках-фибулах, и в стеклянных сосудах, и в других вещах, сопровождавших прах умерших.

Раскопки могильника II—III вв. н. э. у города Каменка-Днепровская. Поле погребальных урн

По-своему, хотя и не столь прямо говорят о Риме и известные только на Правобережье Змиевы, или Траяновы, валы. Это длинные насыпи высотой 6—8 м и шириной 14—16 м, тянущиеся с севера на юг на десятки километров. Уже наши летописи XI в. упоминают о них, но не как о действующих оборонительных линиях, а лишь как об ориентирах. Следовательно, они возникли задолго до Киевской Руси. В народе называют валы Змиевыми и рассказывают легенду о единоборстве киевского богатыря Кирилы Кожемяки с исполинским драконом Змием. Усмирив чудовище, герой запряг его в плуг и пропахал на нем эти гигантские борозды. Легенда, вероятно, очень древняя. Богатырь-кожевник, голой рукой вырывающий клочок мяса у разъяренного быка, фигурирует и в Начальной русской летописи. Предание о пахоте на драконе еще архаичнее и восходит к периоду овладения плужным земледелием.

Название тех же валов Траяновыми впервые зафиксировано в источниках XVII в., но происхождение его не обязательно книжное. Легенды о мифическом царе Траяне фольклористы записывали в украинских селах вплоть до Октябрьской революции. Разумеется, это не означает, что валы связаны именно с завоевательной политикой императора Траяна, но обе легенды в фантастической форме отражают реальные явления: особую роль пахотного земледелия на Правобережье и взаимоотношения этого района — военные и торговые — с могучим римским миром.

Поля погребений некоторые ученые считают кладбищами древних славян. Другие исследователи с ними не соглашаются. Так или иначе, Правобережье — район наиболее ранней славянской культуры в пределах СССР. Здесь сложились и главные центры Киевской Руси. Страшный удар татаро-монголов разрушил большинство из них, и лишь археологи, раскапывая какое-нибудь всеми забытое городище, вроде Райков или Изяславля, находят следы городов, погибших в огне пожаров. На порогах домов, во дворах усадеб в беспорядке лежат десятки скелетов с рассеченными ударами сабель черепами. Рядом брошены сосуды, серпы, украшения. Только кое-где и сейчас высятся над землей каменные древнерусские храмы — в Галиче, Владимире-Волынском, Горяпах около Ужгорода.

На Кавказе камень как строительный материал использовали со времен энеолита, минимум с III тыс. до н. э. На Правобережье каменное строительство неизмеримо моложе.

Обитатели Волыни в эпоху бронзы изредка возводили погребальные домики из плит, похожие на дольмены. Но жилища живых и тогда, и гораздо позже оставались глинобитными, а укрепления — земляными и деревянными. Крепости и дома из местного известняка появились в средневековье. Тогда же был освоен и кирпич. Каменные и кирпичные средневековые здания на Правобережье не очень многочисленны, зато они удивительно разнообразны. Мы увидим и церкви, и костелы, и замки Кременца, Острога, Дубно, Каменца-Подольского, тяготеющие по типу к западноевропейским, с чертами готики и Ренессанса, и крепости Хотина и Белгорода-Днестровского, напоминающие скорее фортификационные сооружения Востока. О каждой из этих построек можно написать специальную книгу, но это уже дело историков архитектуры.

Загадочный Змиев, или Траянов, вал у села Гермакпвка Тернопольской области

Для меня же, как археолога, Правобережье памятно красотой своих рек и скал, приветливостью украинских и молдавских сел, ежедневными богатейшими находками. Экскурсии по днестровским террасам никогда не бывают бесплодными, как это случается в степях и пустынях. Всюду вы отыщете следы древней жизни: тут — кремни, там — трипольские черепки, здесь — сосуды эпохи полей погребений. И кажется, что обступающая вас пахота вовсе не результат вчерашней работы парня-тракториста из соседнего села, а памятник тысячелетнего труда народов, занимавшихся сперва подсечно-огневым и мотыжным земледелием, а потом вставших и за плуг, зажигавших праздничные костры на холмах, создавших яркую культуру Триполья, скифов-пахарей, наконец, раннеславянскую культуру.

ЛЕСА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

И вот, двигаясь с юга на север, мы вступаем в лесную зону, в те края, где стоят Москва, Ленинград, Новгород, Псков, Ярославль, Владимир, края, кажущиеся нам самыми русскими, хотя в действительности в большинство из этих мест славяне проникли относительно поздно.

Я родился и прожил всю жизнь в Москве, и поэтому ближе всего моему сердцу именно центральная полоса России, а не районы моих полевых работ — Крым, Кавказ и Приазовье, не далекие азиатские просторы, куда я порой заезжал, чтобы посмотреть на незнакомые древности, на Ангару и Амударью, на Туву или Тихий океан. В наших краях все представляется мне идеально соотнесенным с человеком: эту реку при желании я смогу переплыть, на этот холм — без труда залезть, от одного села до другого — неторопливо пройти пешком. Конечно, есть своя прелесть и в горных хребтах со снежными вершинами, неодолимо влекущими к себе, сулящими острое чувство опасности, гордую радость победы. Прекрасны и спокойное раздолье Волги под Астраханью, и стремительно-бурный Енисей в «Саянской трубе». Суровый пафос охватывает вас в пустыне с ее безлюдьем, караванами верблюдов и оазисами у колодцев. Но только в среднерусском смешанном лесу природа меня не подавляет, а дает ощущение покоя, ясности, просветленности.

Памятники старины не блещут здесь красками. Тут нет ничего похожего на омытые морем мраморные руины Херсонеса, на бирюзовые порталы мечетей и мавзолеев Самарканда и Бухары. Но не меньше волнуют нас и скромные по облику создания русского зодчества. Возносятся к небу шатры деревянных церквей, так гармонично вписывающиеся в зубчатый контур хвойного леса (для того чтобы полюбоваться на них, не обязательно путеше-

ствовать в Кижии — можно за один день добраться из Москвы до погоста Пески к югу от Волоколамска). Кряжисто, словно войны, стоят на берегах Волхова и Великой строгие одноглавые храмы с покрытием в виде шлема, с безусловно найденными пропорциями. Ничто не сравнится с задушевностью таких вроде бы совсем простеньких построек, возвышающихся над малыми речками, как Покров на Нерли, на пологих холмах, как псковский Василий на горке, или на мысах, как новгородский Иоанн Богослов в Радковицах. Плавные очертания церковных абсид и куполов повторяют мягкие линии, свойственные окружающему ландшафту — равнине, сглаженной великим ледником. То же умение передать скупыми средствами удивительно многое воплотилось и в классических формах старых усадеб. Их белые колонны, по меткому выражению И. Э. Грабаря, на редкость подошли к русским березкам.

Не знаю, прав ли я, но получившие широкую популярность церкви XVII столетия со всеми их кокошниками, гирьками, бочками, изразцами, фигурным кирпичом, мелкими, хилыми главками-луковицами, наставленными в невероятном количестве, — все это многословное, декоративное, чисто внешнее московское узорочье, на мой взгляд, чуждо природе лесной полосы и культуре ее населения.

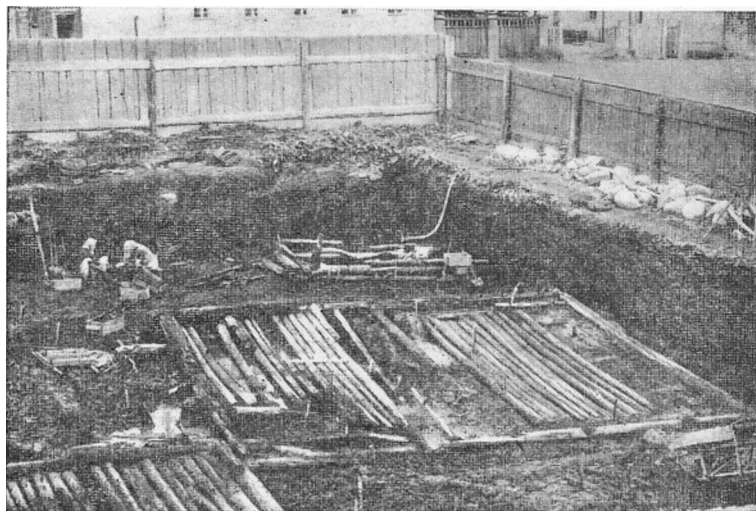
Но этот молодой, верхний слой памятников лишь частично в компетенции археологов. В их ведении пласты куда более глубокие.

На протяжении тысячелетий основным строительным и поделочным материалом в лесной полосе было, естественно, дерево. Эта особенность нашего прошлого неоднократно подчеркивалась в русской литературе — и историком С. М. Соловьевым, противопоставлявшим деревянную Русь каменному Западу, и писателями, повествовавшими о жизни крестьянина, начинающейся в плетевой из луба люльке и кончающейся в сосновом гробу. Эти рассуждения чересчур категоричны. В Центральной России достаточно часто мы видим массивные вековые стены кремлей и монастырей. Москва недаром прозвана белокаменной. Резное убранство владими́ро-суздальских храмов — одна из ярчайших страниц в истории русского зодчества. Но если говорить не о позднем времени — пред- и послемонгольском, о массовых явлениях, а не о па-

радной архитектуре соборов, вывод о колоссальной роли дерева в быту обитателей лесной полосы придется признать правильным. А это ставит археологов в крайне тяжелое положение. Ведь и в глинистой и в песчанистой почве бревна и доски гнивают очень быстро. Нужна исключительная влажность грунта, такая, как на территории Новгорода Великого, чтобы получить исчерпывающе полное представление о жилищах и утвари далекого прошлого.

Раскопки на площади пострадавшего в военные годы областного центра раскрыли целые кварталы средневекового Новгорода: настилы улиц, перекрестки их (сопоставление с письменными источниками позволило отождествить выявленные улицы с Великой, Холопьею и Косьмодемьянской), примыкающие к ним обширные усадьбы. Настилы периодически подновляли, и в разрезе раскопов видно свыше тридцати перекрывающих друг друга вымосток. Под ними идут выдолбленные бревна, принятые сперва за древнейший водопровод, но потом оказавшиеся

Остатки бревенчатых домов XIV в. сохранились в болотистой почве Новгорода

дренажными трубами, служившими для осушения болотистой почвы города. Среди этих строительных остатков на каждом шагу попадаются всевозможные деревянные вещи: чаши, ложки, бочки, сапожные колодки, лопаты, грабли, коромысла, даже столь редкостные предметы, как гусли или клетка для птиц. Пользовались новгородские ремесленники преимущественно сосной и елью, в меньшей мере — кленом, ясенем, березой и дубом.

Примерно та же картина еще в двух-трех русских городах — Старой Ладогe, Белоозере. Благодаря этому археологам удастся восстановить материальную культуру X—XV вв. вплоть до мельчайших деталей. Но для предшествующего времени, как для славянских, так и для более ранних памятников, наши знания о дереве совершенно отрывочны.

Всего в пяти-шести пунктах на огромном пространстве лесной полосы при разработке торфяников обнаружены следы первобытных свайных поселков. Они раскопаны в Латвии, Белоруссии, Псковской и Ярославской областях. На Вологодчине при слиянии рек Перечной и Модлоны изучен поселок II тыс. до н. э. Он располагался не над водой, как некогда реконструировали свайные жилища Швейцарии, а на низком сыром берегу. В эту зыбкую почву были вколочены сваи, на них был сделан настил, а на нем уже помещались дома. Впоследствии этот участок окончательно заболотился и превратился в торфяник.

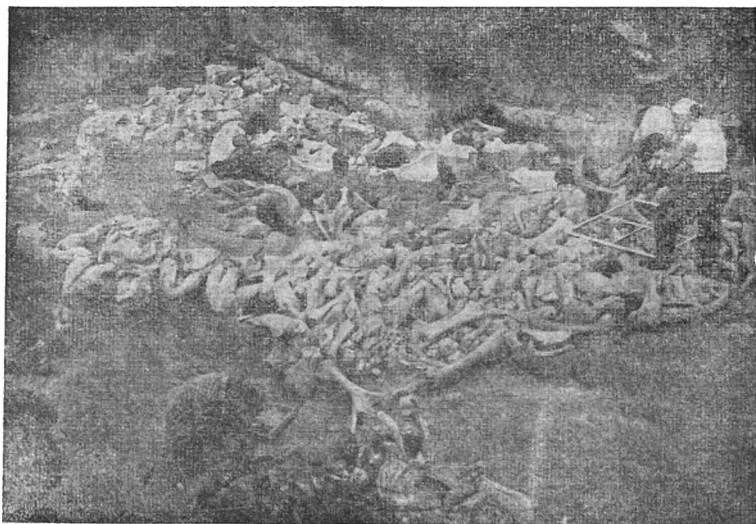
Копать торфяниковые стоянки нелегко. Все время приходится откачивать воду из раскопа, а кремни и черепки вынимать не из сыпучей земли, а из жидкой и липкой грязи. Но изнурительный труд вознаграждается сторицей. Торф консервирует органические остатки. Сохраняются не только кости, истлевающие в песке, но и рыба чешуя. Из деревянных вещей интересны ковши с ручками в виде голов животных. Встречены на Модлоне и украшения из янтаря. В бронзовом веке племена Прибалтики наладили торговлю янтарем с очень отдаленными районами, и поделки из красивого прозрачного материала, пройдя долгий путь, достигли лесной глуши, какой была в тот период территория нынешней Вологодчины.

Открытие торфяниковой стоянки — для археологов важное событие. Как правило, они изучают поселения, где от дерева ничего не осталось. Все же о жизни самых

ранних обитателей Центральной России мы знаем отнюдь не мало. Дело в том, что в ледниковую эпоху поверхность Русской равнины напоминала тундру, и отсутствие леса и пещерных убежищ вынуждало палеолитических людей строить для себя жилища из иных материалов. Ими стали кости гиганта четвертичной фауны — мамонта. Около многих деревень при рытье погребов и колодцев, в речных обрывах и стенках оврагов находят черепа, бивни, ребра громадных, давно уже исчезнувших зверей. Иногда это скелеты животных, умерших естественной смертью, иногда — остатки от удачной охоты первобытного человека, указание на скрывающуюся где-нибудь по соседству стоянку современников мамонта.

Изучение палеолита России началось в 70-х годах прошлого века. Тогда впервые с успехом были обследованы крымские пещеры. Тогда же известный биолог И. С. Поляков попытался найти палеолит и в центре Русской рав-

Раскопки стоянки Аносовка II в Костёнках на Дону. Археологи расчищают остатки палеолитического жилища, сложенного из челюстей, лопаток, берцовых и других костей мамонта

нины. Пещер здесь нет, и надо было нащупать какие-то другие признаки для поисков древних стоянок. Такой признак Поляков увидел в костях мамонта. В 1879 г. он уверенно направился в окрестности Воронежа, поскольку эта местность издавна славилась находками костей чудовищного размера. Академик С. Г. Гмелин, приезжавший сюда в XVIII в., решил, что близ села с выразительным названием Костёнки похоронены погибшие от морозов слоны, сопровождавшие армию Александра Македонского. Поляков дал более правдоподобное объяснение этой загадки, рассматривая кости как пищевые отбросы палеолитических охотников. Раскопки подтвердили это: в Покровском логу из слоя с костями были извлечены кремневые ножи, скребки, наконечники копий. С тех пор, с небольшими перерывами, почти 100 лет ведутся исследования палеолита на Дону. Тут найдены могилы людей, живших 25—30 тыс. лет назад, руины жилищ того же времени, изображения женщин и животных, вырезанные из мергеля и бивня мамонта, бесчисленные орудия из кремня.

В ходе этих работ уже в 1930-х годах было установлено, что выводы Полякова нужно уточнить. Скопления костей не просто пищевые отбросы, а и специально собранный и использованный нашими предками строительный материал. Из бивней, челюстей, лопаток мамонта люди складывали каркас хижины, покрывавшийся затем шкурами, ветками, а сверху присыпавшийся землей. Тщательно расчищая завалы из костей, археологи изучили разнообразные древние жилища: вытянутые наземные с длинным рядом очагов по оси, круглые земляночные с купольным сводом и кострищем в центре и т. д. Самый метод поисков палеолита, предложенный Поляковым, оправдал себя неоднократно.

Поэтому прежде чем приниматься за археологические разведки в каком-либо районе, археологи стараются учесть все сведения о палеонтологических находках, попавшие в местные газеты, заглянуть в фонды краеведческих музеев и последовательно объехать пункты, где сделаны эти находки. Среди 10—20 пунктов непременно окажется один, где помимо костей будут обнаружены и изделия из кремня. Это могут быть и скудные следы короткой остановки охотников (таково Сучкино на Сейме — скелет одного мамонта и вокруг несколько орудий),

могут быть и долговременные поселения с развалами жилищ, грудями костей и кремней, как Сунгирь под Владимиром, Гагарино близ Липецка, Елисеевичи в Брянской области.

Мне довелось участвовать в поисках палеолита на Десне, Оке, Сейме. Это увлекательное занятие. Вы бродите по оврагам, вклинивающимся в речные террасы. Чем дальше от устья, тем уже овраг. Его глинистые стенки обступают вас, и, кроме голубого неба над головой и природного разреза четвертичных и более древних отложений по бокам, вы ничего не видите. В обрывах тянутся слои валунов — морена, оставленная великим ледником, а выше и ниже ее — пласты желтой глины. За ними главным образом и надо наблюдать. И вот после многодневных блужданий в стенке или в русле оврага под вашими ногами мелькнул голубоватый патинизированный осколок кремня. Рядом вы заметили желтую, пропитавшуюся минеральными солями кость древнего животного, а то и тяжелый, как камень, зуб мамонта, словно склеенный из толстых серовато-белых пластинок дентина. Вы почти у цели. Беритесь за лопату, расчищайте склоны оврага. Палеолитические люди здесь побывали. Теперь весь вопрос в том, есть ли тут настоящий культурный слой.

В конце палеолита мамонты вымерли, и памятники позднейшего времени — неолитические и эпохи бронзы — искать приходится, руководствуясь иными признаками, прежде всего характерной для них топографией. И те и другие памятники одним из первых обследовал тот же Поляков. Он знал, что в некоторых крестьянских семьях бережно хранятся неолитические кремневые наконечники стрел. Их собирают деревенские знахарки. «Я встречал старух, владеющих иногда стрелками штук до десяти... — рассказывает Поляков. — Всякая стрелка имеет свое название по именам святых или же присоединяется название спаситель к стрелке, помогающей от всяких недугов. Лечат стрелками посредством укола большого или же спусканием воды»⁹. Эти поверья типичны для всего Старого Света. Тонко обработанные, правильные по очертаниям листовидные или треугольные наконечники трудно было не заметить. Не догадываясь об их происхождении, в народе думали, что кремневые острия образуются в земле от удара молнии, и приписывали им чудотворную силу.

Лекарственные «громовые стрелы» упоминаются в средневековых русских книгах — «Кормчих», «Домострое», «Луцидариусе».

Крестьян расспросили, в каких местах чаще всего находят подобные камни, и после целеустремленных полевых исследований выяснили, что неолитические стоянки приурочены обычно к дюнам по берегам рек. За время, прошедшее после палеолита, реки углубили свои долины, и поселки людей, на заре неолита освоивших рыболовство, спустились с высоких террас пониже, к самой воде. Как только это было понято, неолит стали открывать повсюду. Археологи осматривали берега заросших камышом стариц, мысы при впадении рек в озера, возвышенные участки поймы и приносили с развеянных песков сотни кремневых орудий, тысячи черепков от сосудов, богато украшенных узорами из ямок и отпечатков зубчатого штампа. Кость и дерево в песке не сохраняются, но облик жилищ по данным раскопок кое-где реконструировать можно. В песке четко выделяются круглые или прямоугольные углубления, заполненные черным культурным слоем и насыщенные разными находками. Это основания землянок и полуземлянок.

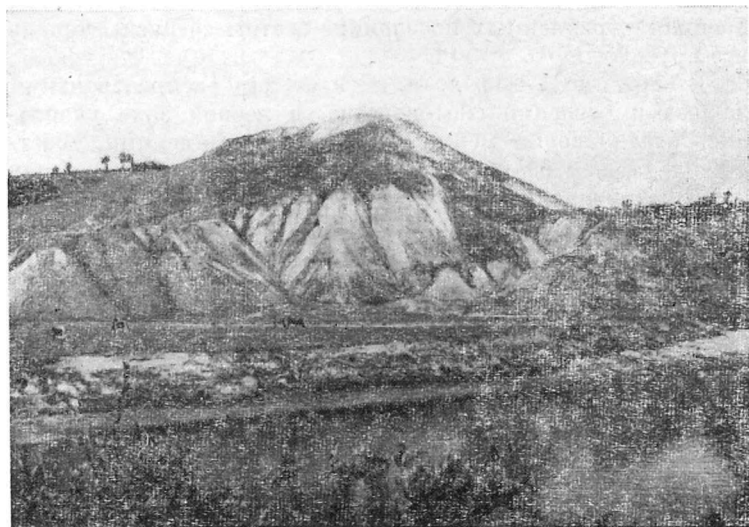
Любознательность русских крестьян помогла археологам выявить в Центральной России и бескурганые могильники бронзового века. В Верхнем Поволжье, в Подмоскowie, в бассейне Оки при разработке гравийных карьеров землекопы не раз натыкались на человеческие кости, глиняные сосуды, каменные полированные и сверленные молотки и топоры. Кости и горшки выбрасывали, а топоры, вызывавшие особое любопытство, передавали тем или иным любителям древностей. В вятском селе Улеша молоток держали в церкви и прибавляли им гвозди в престол при освещении нового придела. Сверленный каменный топор лежит на письменном столе в домике Чайковского в Клину. В конце XIX в. разрушенные карьерами могильники обследовали и специалисты-археологи. Вскоре в науке утвердился термин «фатьяновская культура», объединяющий очень своеобразную группу памятников II тыс. до н. э.

Люди бронзового века хоронили покойников в скорченном положении на боку. Вместе с ними зарывали большие глиняные сосуды с круглым туловом и чуть уплощенным дном, каменные, а иногда и бронзовые орудия.

Фатьяновцы были и первыми металлургами, и первыми скотоводами лесной полосы. В могилах найдены кости крупного и мелкого рогатого скота — остатки пищи, которой снабжали умершего на дороге.

Еще больше в центральной полосе России памятников железного века. К этой эпохе относятся известные всем хотя бы понаслышке городища, т. е. урочища, обведенные валами и рвами. Обычно они располагаются на мысах при слиянии рек, при выходе оврагов в речные долины, реже на холмах среди болот или на других обособленных возвышенностях. Мыс отрезали валом с напольной стороны; остальные два обрывистых склона были и так труднодоступны. У городищ на холмах вал замкнутый, круговой. Таких урочищ в лесной зоне несметное множество. Когда в 1820-х годах сведения о них начал записывать польский археолог Зориан Ходаковский, ему казалось, что количество «городищ соответствует числу звезд нашего неба», что их можно собирать на карту, «как грибы в благоприятствующую им осень»¹⁰.

На таких холмах расположены городища. Древнерусское Новотроицкое городище над рекой Псел

По складу своему Ходаковский был ученым-романтиком (Пушкин, интересовавшийся его изысканиями, мельком обрисовал его портрет в поэме о Езерском: «Новый Ходаковский, люблю от бабушки московской я толки слушать о родне, об отдаленной старине») ¹¹. Обратив внимание на городища и составив ценную археологическую карту, он дал им весьма фантастическую интерпретацию. «Мне удалось заметить,— говорил он в 1819 г.,— что, где они уцелели, везде сходятся в главных чертах: имеют небольшие кругловатые валы, исключительно из черной земли насыпанные, имеют вход от востока, всегда находятся при реках или источниках, на прекраснейших местоположениях, и посреди оных валов нередко примечаются ямки или котловища... Сии городища были святыми огородами и приходскими местами, где свадьбы, венчания и другие обряды языческие совершались» ¹². Ходаковский считал, что городища были только у древних славян и что они возводили эти родовые святилища на равных расстояниях друг от друга, так что по ним легко определить и область расселения, и социальное устройство славян в языческую эпоху.

Теория Ходаковского вскоре же была раскритикована историком К. Ф. Калайдовичем. По его мнению, городища представляют собой не святилища, а остатки древних укрепленных поселений. С этим согласны теперь все археологи.

В середине I тыс. до н. э., в период распространения железа и освоения скотоводства, в лесной зоне участились столкновения между отдельными племенами, обострилась борьба за пастбища и стада. Тогда и появились первые укрепленные поселки. Были они и у предков славян, и у других народов. В Центральной и Северной России ранние городища в основном принадлежат древним финнам и балтам. Немало сходных памятников и на юге — в лесостепной Украине, где особенно поражают своими размерами мощные валы скифских городищ Бельского и Немировского. Есть они, хотя и в меньшем числе, и в степях, в Предкавказье, на Урале и в Сибири. В горах вместо земляных делали более прочные каменные стены. Укрепляли поселки не только племена начала железного века и славяне, проникшие в леса в I тыс. н. э. и постепенно вытеснившие оттуда финнов, но и люди, жившие столетия спустя, современники татарских

набегов и княжеских усобиц. Средневековые фортификационные сооружения внушительней ранних. Валы Старой Рязани, прекратившей свое существование после татарского нашествия, достигают в высоту 10, а в ширину 24 м. Глубина идущих параллельно рвов 8 м, а ширина 20 м. Длина всей оборонительной линии около 1,5 км. Самые поздние городки в Центральной России связаны со знаменитой Засечной чертой. Эта полоса, частью из поваленного леса, частью из земляных бастионов, была оформлена окончательно к 1638 г. при Михаиле Федоровиче. Она тянулась по линии Белев—Тула—Венев—Переяславль-Рязанский на пятьсот с лишним километров и прикрывала Москву и центр страны с юга от ударов кочевнических орд. Все же в XVI—XVII вв. Московская Русь перешла уже от земляных крепостей к каменным и кирпичным.

Простой ров и насыпанный из выброшенного грунта вал не были достаточно надежной защитой для поселка. Чтобы земля не оползала, применяли деревянные конструкции-городни, что-то вроде коробок, заполненных дерном, песком и глиной. Увенчивался вал бревенчатым тыном, иногда с деревянными башнями. При раскопках все эти детали хорошо прослеживаются в стенках прорезающих вал траншей. За оборонительной стеной теснились жилища — землянки, избы, а порой и каменные постройки. Таинственные «котловища», упомянутые Ходаковским, как раз и отмечают места заплывших землянок.

Не совсем ошибочно и другое наблюдение Ходаковского. Кое-где городища действительно группируются по определенной системе. На Верхней Волге, например, на каком-то коротком отрезке реки их сразу штук пять-шесть, ниже, на протяжении десятка километров — нет ни одного, потом — опять целое гнездо. Скорее всего, в этом отразилась родовая структура первобытного общества. Каждое городище можно рассматривать как родовой поселок, а группу их — как территорию племени.

Правильны и слова Ходаковского о «прекраснейших местоположениях», но объясняется это не эстетическими запросами древних людей, а тем, что им нужен был широкий обзор, чтобы заметить приближение вражеского войска. Так или иначе, побывать на большинстве городищ истинное удовольствие. С площадки и вала откры-

вается вид на окрестности, на заливные луга на противоположном берегу реки, на все ее извивы.

Сколько городищ ни описано в археологической литературе, все равно множество их остаются неизученными даже под самым боком. В студенческие годы, переживая период страстного увлечения археологией, я не довольствовался летними экспедициями и весной и осенью бродил в поисках древностей по Подмоскovie. Я помню, как меня поразило, что на некоторых памятниках совсем рядом со столицей (а теперь уже в ее черте) никто не бывал более полувека. В 1893 г. два археолога заглянули на минутку на городище у села Капотня, и с тех пор его не посещали ни разу. Я первый вновь побывал там и определил, к какому времени оно относится.

Итак, даже если исключить те редкие случаи, когда археологи находят вещи и жилища из дерева, о древностях лесной полосы все же удастся получить относительно полное представление, ибо в палеолите строительным материалом были кости мамонта, а в эпоху железа, как и в степях,— дерн и земля. Как же обстоит дело с камнем? Обрабатывать его и пользоваться отесанными блоками начали здесь поздно. В 1016 г. новгородцы во главе с Ярославом подошли к Киеву, где заперся князь Святополк, и киевляне, по рассказу летописца, выходили на городскую стену дразнить северян, обзывая их «плотниками». Южанам, знавшим каменное и кирпичное строительство, деревянный Север казался образцом дикости. Но обитатели лесов с очень давнего времени обращали внимание на возвышающиеся среди равнины огромные валуны, притащенные ледником. В этих глыбах им чудилось что-то загадочное, и они нередко превращали их в святыни.

В конце XIX в. этнографы записали предания про гигантские конь-камни у сел Большой и Малый Конь и Спас-Конино в Тульской губернии на тургеневской Красивой Мечи. О них слышали и раньше. На фоне этих камней разворачиваются трагические события повести «Ятаган» талантливого прозаика пушкинской эпохи Н. Ф. Павлова. О поклонении камням на Руси как о постыдном пережитке язычества говорится в христианских обличениях.

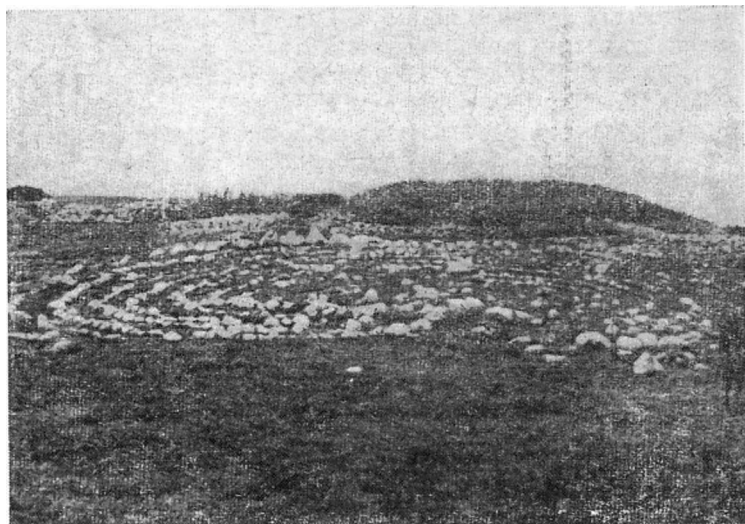
Известны в лесной полосе и валуны с гравировками и надписями. Один — лежит в русле ручья Щеглец у

села Мытно в Новгородской области; рисунки, судя по аналогиям в наскальных изображениях, нанесены на него в бронзовом веке. Другой — с высеченными на нем фигурой в виде лабиринта и русской надписью прифтом XII в. «Степан» — нашел в районе Бежецка декабрист Ф. Н. Глинка. Предполагают, что это межевой знак с именем владельца.

Чем дальше к северу, тем валунов на Русской равнине все больше и больше. Ими усеяны поля Псковщины и Приладожья, а из булыжников, выбранных за сотни лет из-под лемеха плуга, образовались целые гряды по границам пахотных участков. Этот характерный элемент северного ландшафта зорко подметил Н. К. Рерих, создавая свои ранние полотна «Урочище», «Изба смерти», «За морями земли великие».

Наконец, в Карелии, по берегам Онежского и Ладожского озер и Белого моря, обнажается и выступает на поверхность сплошной щит коренных пород — серые и красноватые граниты. В этом краю благодаря камням

Выкладки из камней — лабиринты, или вавилоны, и сейчас хорошо видны на Большом Заяцком острове Соловецкого архипелага

до нас дошли две любопытнейшие категории памятников. Первая — выкладки из валунов, называемые лопарским словом «сейды» и, по всей вероятности, составляющие один из типов сейдов — лабиринты, или вавилоны. На поверхности земли, почти всегда у самой кромки воды из дикого камня, высотой сантиметров 30, выложены спиралевидные фигуры с дорожками между рядами голышей. Двигаясь по этой дорожке, после многих завитков попадаешь в тупик в центре лабиринта, откуда приходится тем же кружным путем идти обратно. Ни стоянок, ни могил при раскопках у таких сооружений не найдено; культовое же почитание камней, то одиночных, то поставленных друг на друга, у коренного населения Севера — лопарей прослеживается чуть ли не до сего дня. По-видимому, все сейды, вплоть до самых сложных, имели культовое назначение.

На территории нашей страны лабиринты встречаются по берегам Белого и Баренцева морей, а за ее пределами — в приморских районах Дании, Швеции, Норвегии, Финляндии. Поскольку необычные памятники тяготеют к морю, появилась гипотеза, что это модели рыболовных ловушек, сделанные во время магических церемоний перед морским промыслом. Но мотив лабиринта в древности был распространен очень широко, в том числе и на юге, где подобных ловушек не было. Более вероятно, что замеченная учеными закономерность отражает лишь распространение определенного обряда из какого-то центра вдоль водных путей, игравших в прошлом главную роль при культурных сношениях. Точно так же в южных краях в приморской полосе концентрируются каменные погребальные домики-дольмены.

В Скандинавии лабиринты считают в народе местом девичьих плясок, и этим нельзя пренебречь. Ведь знаменитый критский лабиринт тоже служил для культовых игр. Интересен и рассказ об аргонавтах. После бури они по совету оракула построили алтарь из валунов. Юные мореплаватели танцевали вокруг них, прыгали через камни, ударяли по ним мечами. В старинном ритуальном греческом танце геранос, т. е. «журавлином», плясун двигался по спирали, как бы прочерчивая фигуру лабиринта. В XVI в. в праздничные дни устраивали танцы у лабиринтов и в Германии. В новое время об этом еще помнили и даже восстанавливали древние конструк-

Наскальные изображения Залавруга около Беломорска. Неолитический человек выбил на граните силуэт промысловой лодки с охотниками. На ее носу — гарпунищик, удачно бросивший свое орудие в морского зверя — белуху

ции из валунов. Сестра Фридриха Великого — Амалия приказала реставрировать их как площадку для состязаний молодых спортсменов. То же произошло в 1816 г. в городе Нейштадт-Эберсвальд. Состязания регулярно проводились там на второй день троицы.

У нас на Севере народ приписывает сооружение вавилонов Петру I и Пугачеву. В 1592 г. русские послы Васильчиков и Звенигородский, договариваясь с датчанами о границе в Лапландии, ссылались на легенду по древнее. Герой ее — карельский богатырь Валит «на славу свою, принеши с берега своими руками, положил камень в вышину от земли есть и ныне больше косые сажени, а около, подале, выкладено камением как бы городской оклад в двенадцать стен, а назван был у него тот оклад

Вавилоном»¹³. Очевидно, сокровенный смысл разнообразных сейдов пришлому русскому населению не был известен. Но замечательно, что совсем недавно, в 1930-х годах, на Терском берегу один биолог наблюдал, как старик-помор выкладывал лабиринт. На вопрос, чем он занимается, помор неохотно ответил: «Тут и раньше был вавилон, да развалили. Надо опять сделать». — «Для чего же?» — «А так, забавы ради». Ответ звучит неубедительно. Или старик не хотел посвящать чужака в свои тайны, или и сам толком не знал, к чему эти вавилоны, но боялся, не было бы беды от их разрушения.

По данным археологов, древнейшие лабиринты Севера сооружены в I тыс. до н. э. Строили их, кажется, и позднее. Сущность верований, породивших простые и сложные сейды, предстоит раскрыть при дальнейших исследованиях. Поэтому крайне важно сохранить выкладки из валунов в их первоначальном виде.

Вторая категория памятников, связанная с северным камнем, — петроглифы Карелии. Они изучены в двух районах — на восточном берегу Онежского озера и неподалеку от города Беломорска на реке Выг. На плоских гранитных скалах ударами кварцевых отбойников выбиты силуэтные фигуры оленей, лосей, медведей, белух, водоплавающих птиц и людей — охотников. Возраст этих рисунков определен достаточно точно. Они созданы неолитическим человеком в III—II тыс. до н. э. Особенно выразительны гравировки на скалах в урочище Залавруга на Выге. Здесь изображены большие многоместные лодки с гребцами и гарпунером на носу. Смертоносное орудие вонзилось в тело белухи, вырвать его она не в силах. Канат намертво закреплен на корабле, и добыча не уйдет от мореходов. Значит, еще в неолите заселявшие Карелию племена охотились как на суше, так и на море и умели строить прочные промысловые суда. Это объясняет появление лабиринтов в Соловках, за 50 км от материка, и обилие всевозможных сейдов на Кузовых островах между Кемью и Соловками. Когда-то в этих местах добывали белуху, пловцы высаживались на островах и совершали на них какие-то культовые церемонии.

Всматриваясь в гравировки на камне, невольно перебираешь в памяти этапы освоения Севера и омывающих его морей. Группы охотников, начавшие свой путь где-нибудь в горах Крыма и Кавказа, по мере отступления

ледника медленно, но упорно продвигались вслед за табунами зверей все дальше и дальше к полуночному краю. Столетиями шли они по почти лишенной камня земле, забыли родные пещеры, научились возводить дома из мамонтовых костей и рыть землянки, пока в неолите не достигли другой каменной страны. Но это были уже не троглодиты ледниковой эпохи, обладавшие лишь копьем с кремневым наконечником, а хорошо организованные племена людей, знавших лук и стрелы, готовивших пищу в глиняных сосудах, полировавших сланцевые топоры, выдалбливавших первые деревянные челны и рисковавших выходить на них в море за рыбой и морским зверем. Кроме того, эти люди любили рисовать, и их рассказы в картинках, выбитые на граните, по-новому освещают многие стороны жизни наших предков.

Только в этих памятниках, а не в одновременных им стоянках и могильниках чувствуется связь с морем. Крайне редко ощущаем мы ее при раскопках, разве что наткнувшись на раковинные кучи — кьеккенмеддинги, оставленные на берегу древними собирателями мелководных моллюсков, или нащупав в глубине вод корпус корабля, наполненного амфорами, привезенными в Понт Евксинский из торговых центров далекой греческой метрополии. Но оказывается, для того чтобы возникло это ощущение, вполне довольно схематических силуэтов лодок, вырезанных на скалах, и загадочных нагромождений камней на заброшенных северных островах.

Надеюсь, этот беглый обзор археологических памятников лесной полосы европейской части СССР убедил читателя, что при всей их внешней скромности они вполне могут соперничать с прославленными древностями Юга. Между тем раскопки на Севере развернулись гораздо позже, чем в Крыму и на Украине, да и велись, пожалуй, менее интенсивно. Археологов ждут большие открытия.

УРАЛ

С каждым годом деятельность человека повсеместно меняет облик нашей планеты. В плотно заселенных промышленных странах все труднее становится отыскать кусочки ландшафта, оставшиеся такими же, какими они были в древности. Только в глубинах Азии и Африки обширные районы сохранили свой первозданный вид. В пределах нашей страны тоже есть области, изменившиеся в природном отношении в большей или меньшей мере. Степные просторы Причерноморья преобразились особенно заметно. На правобережье Днепра — земледельческом на протяжении шести тысяч лет — перемены не столь значительны. Промышленное освоение Кавказа и Средней Азии пока что не сказалось на многих горных долинах и окруженных пустынями оазисах. Зато на Урале воздействие человека везде чувствуется очень сильно.

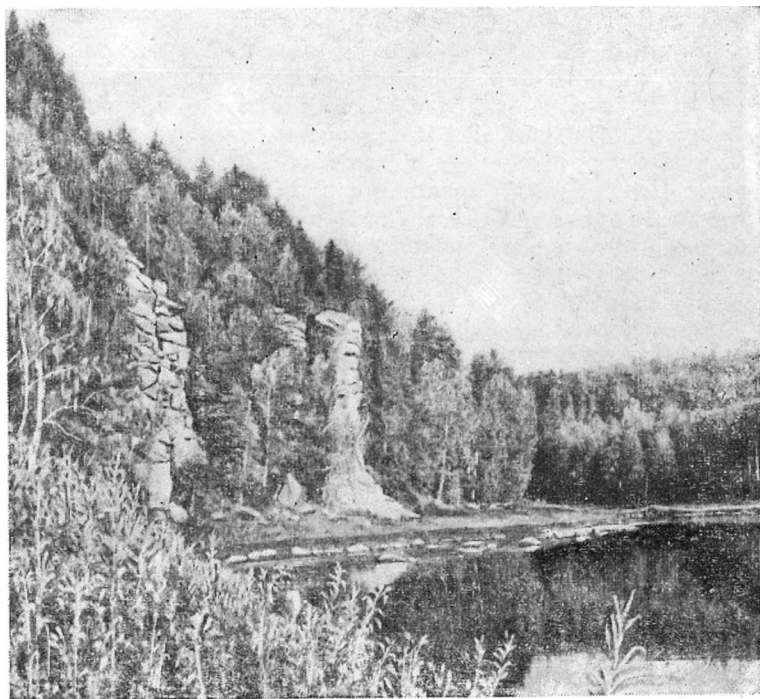
С петровской эпохи началась интенсивная эксплуатация рудных богатств этого горного хребта. Перемены выглядели тем разительнее, что в северной и средней частях Урала русские землепроходцы встречали племена, занимавшиеся лишь охотой и рыболовством, — югру, остяков, вогулов, т. е. хантов и манси, постепенно оттесненных на восток — к Оби. Скотоводы и земледельцы заселяли только южную половину Урала, причем земледелие было развито здесь довольно слабо. За два с лишним века дикий лесной край превратился в залитую огнями и изрезанную дорогами область фабрик, заводов и рудников.

Конечно, и на Урале можно найти малообжитые места, скажем, в верховьях какой-нибудь Вишеры. Писанный камень — утес с рисунками бронзового века, ради которого я сюда приехал, чуть обвалился, но в остальном не отличался от зарисовки, сделанной в начале XVIII в. пленным шведом Страленбергом. Сочетание невысоких скал и зелени с широкой гладью реки напомнило мне

Поднестровье. Но лес тут не веселый, лиственный, сквозной, а суровый, хвойный, дремучий, да и небо — и соответственно все краски — сумрачней, глуше по тону. Увы, таких уголков на Урале год от году все меньше и меньше. Ландшафт продолжает изменяться, и археологам приходится это все время учитывать.

С XIX в. известны наскальные росписи на реке Тагил. Студентом я опубликовал о них заметку, упомянув, между прочим, рисунки, похожие на лодки карельских петроглифов. Один из лучших знатоков археологии Урала весьма зло высмеял меня за это, напомнив, что Тагил — река отнюдь не судоходная. Десять лет спустя я сам побывал на Тагиле и при осмотре росписей несколько

Река Тагил. На этих скалах в бронзовом веке красной краской были нанесены рисунки

раз переходил реку вброд то по щиколотку, то по колено. От прежней моей интерпретации мне все же не хотелось отказываться. Я записал в дневник, что лодки держат во всех деревнях по Тагилу, думал о том, что изображение могли создать люди, пришедшие с более полноводной реки, что ладья эта не простая, а солярная, отражающая миф о плавании светила по небосводу. Но в конце концов все решилось предельно просто. Оказывается, в XVIII в. заводчики Демидовы соорудили в верховьях Тагила восемь запруд, и крупная судоходная артерия сразу иссякла, стала жалкой мелкой речушкой.

Бывают перемены и иного рода. В наши дни при строительстве каскада электростанций на Каме ушли под воду сотни археологических памятников, а те, что уцелели, лежат уже не на высотах, как раньше, а наполовину закрыты водой. Напротив современного города химиков — Березники — виднеются здания старого русского Усолья, возникшего в начале XVII столетия. Перед затоплением жителей оттуда переселили, дома спесли, а памятники архитектуры законсервировали. И вот, переправившись на катере из Березников на правый берег Камы, вы попадаете в какое-то заколдованное царство — в уральскую Венецию. На полуостровах, соединенных узкими перемычками, среди заливов и болот стоят белокаменные палаты Строгановых, монастырь с характерными тяжеловатыми формами XVII в., изящная ампириная церковь — быть может, первое творение уроженца Усолья Воронихина. Когда-то город располагался на крутом откосе над Камой, сейчас он очутился на уровне реки и того гляди погрузится под воду. Точно так же выше по Каме вода поднялась к самому подножию Орла-городка — земляной крепости, откуда двинулось в победный путь на Восток войско Ермака Тимофеевича.

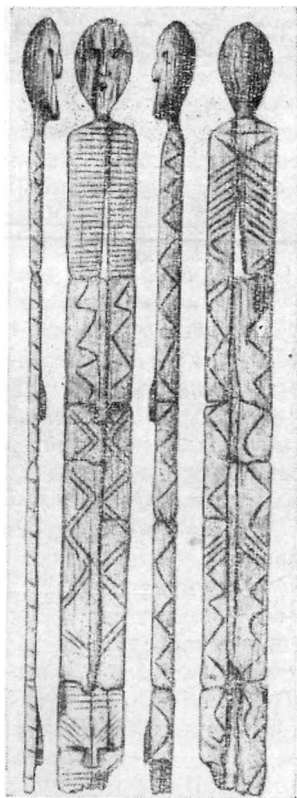
При колоссальных изменениях ландшафта значительная часть памятников прошлого на Урале стерта с лица земли. С другой стороны, немало их выявлено именно при разнообразных работах, немало и исследовано на средства, выделенные новостройками.

Раскопки послевоенных лет показали, что Урал был заселен человеком еще в раннем палеолите. В поисках охотничьих угодий неандертальцы дошли с Кавказа или из Средней Азии почти до Полярного круга. На Печоре в обрывах берега собраны типичные мустьерские орудия,

а в Медвежьей пещере открыта стоянка позднепалеолитического времени.

Хорошо представлен на Урале и неолит. Особенно интересны торфяные стоянки в окрестностях Нижнего Тагила — на Шигирском и Горбуновском озерах. Из Шигира древние вещи поступали в музей в процессе разработки торфяника, в Горбунове велись планомерные раскопки. Тут обнаружены настилы из досок, обмазанных глиной, служившие, как и на Модлоне, основанием жилищ, найдены десятки редкостных изделий — сани, луки, даже бумеранг. По сравнению с Модлоной и прочими торфяными стоянками европейской части СССР в Горбунове гораздо больше деревянной скульптуры. В торфе сохранились грубые идолы в рост человека и выше, ковши с головами лебедей и уток на рукоятках, пластина в виде ползущей змеи, фигура лося с углублением в туловище — вероятно, ритуальный сосуд, куда клали жертвенное мясо или наливали кровь животных.

Эта коллекция резного дерева вызывает в памяти известия первых христианских миссионеров об Урале. В житии епископа Стефана (XIV в.) мы читаем: «Бяху бо в Перми кумири разноличнии, овии большии и меньшии, друзии же среднии, а инии нарочитии и словутниа и инии мнозии, и никто может исчести их... И по погостам распытуя, и в домах изискуя, и в лесах находя и в привежках обретаая — и зде, и онде, везде находя я». Эти-то «болваны истуканныя, изваянныя. издолбленныя, вырезом вырезаемыя»¹⁴, как неолитиче-

Бревно, покрытое сложной резьбой, — это неолитический идол, он найден в Шигирском торфянике под Нижним Тагилом

ские, так и средневековые, и предопределили развитие своеобразной христианской уже пермской деревянной скульптуры. В православном культе объемные изображения святых не приняты, и в среднерусских церквях, за исключением нескольких примитивных «Никол Можайских», мы их не увидим. Не то в Прикамье. Там чуть ли не в каждой часовне была своя статуя — то грустного истерзанного пытками Христа в темнице, то Богородицы, то Параскевы Пятницы.

В 1920-х годах искусствовед Н. Н. Серебрянников перевез многие из этих статуй в Пермскую картинную галерею, обладающую теперь уникальным собранием русской деревянной скульптуры. Но по сути дела пермские боги не чисто русские. Появление их обусловлено местными языческими традициями, иными, чем в Центральной России, приспособлением насаждавшегося пришельцами христианства к привычным для аборигенов старым «болванам истуканным».

В эпоху бронзы роль Урала в истории древнего населения Европы и Азии возросла. Химический анализ орудий и украшений II тыс. до н. э. с Украины, из Нижнего Поволжья и лесной зоны европейской части СССР свидетельствует, что они сделаны из уральской меди. Это неудивительно: собственных запасов медной руды на Русской равнине нет. Закономерно, что находки бронз на территории СССР приурочены в основном к четырем районам — к Кавказу, Южной Сибири, Прикарпатыю и Уралу. На обоих склонах хребта раскопки стоянок определенного возраста дают капли меди, шлаки, глиняные тигли, сопла, льячки (ложки для разливания расплавленного металла), каменные формы для отливки копий, ножей, топоров. В Прикамье и Южном Урале изучены, кроме того, древние кладбища, где сами эти орудия были положены в могилы при погребениях. Наконец, встречаются тут и рудники бронзового и раннего железного века. Об этих памятниках мы еще не говорили.

Горное дело возникло в неолите, когда, чтобы добыть высококачественный кремний, люди впервые принялись рыть ямы в земле. Таковы неглубокие пещерки Белой горы в Поднепровье и разветвленные штольни у Красного села в Гродненской области. Период расцвета этого производства падает, естественно, на эпоху металла. Медистые песчаники Урала на долгие годы стали источни-

ком сырья не только для обитателей окрестных районов, но и для широкой полосы Восточной Европы, Западной Сибири и Казахстана. Уже в бронзовом веке количество рудников было здесь весьма внушительным.

В XVIII столетии Петру потребовались тысячи пудов меди для артиллерии, и русские вспомнили о горных богатствах Каменного пояса. В ту пору было выяснено, что надежнейшим признаком медных месторождений служат «чудские копи». «Чудью», «чудаками», т. е. «чужаками», называли на Руси исчезнувшее аборигенное население Севера, Урала и Сибири. Этому мифическому народу приписывали и древности этих мест — курганы, городища. Отыскав полузасыпанные «чудские копи», русские инженеры смело ставили около них новый медеплавильный завод. По документам XVIII в. мы можем насчитать на Среднем и Южном Урале не менее 150 таких памятников. Но, само собой, поздние работы на месторождении, к тому же большего объема, чем ранние, к нашему времени обычно уничтожали все следы деятельности первых горняков. К счастью, в Екатеринбурге (ныне Свердловск), Оренбурге, Перми всегда было много культурных людей. Приезжали сюда и академические экспедиции. Благодаря этому до нас дошли некоторые сведения о предметах, найденных в XVIII — начале XIX в.

Три четверти сообщений касаются Гумешевского рудника неподалеку от нынешнего Свердловска. На протяжении 100 лет оттуда извлекали любопытнейшие вещи: обгоревшую лучину, освещавшую в древности темные штольни, рукавицы и сумку из лосиной кожи, бронзовые орудия, шапку с собольим околышем, чашу из бересты, целую шубу, бревно с зарубками — своего рода лестницу, по которой спускались в шахту и поднимались наверх. Попадались иногда и кости человека. Работа под землей при слабом знакомстве с техникой безопасности не раз оканчивалась трагически — пласты обвалившейся породы погребали не одни шубы шахтеров, но зачастую и их самих. Так было и в Гумешеве, и на другом месторождении — Бердянке, и, вероятно, еще во многих случаях.

«Чудские копи» хорошей сохранности я обследовал в районе Орска. О них давно упоминалось в геологической литературе, но археологи как-то не успели проверить эти сообщения. Возле поселков Еленовка на реке Климбае и Уш-каты на одноименной речке краеведы показа-

Древний рудник на медном месторождении у Благословенки под Оренбургом

ли мне большие, заплывшие землей котлованы размером 40×25 , 130×20 и 25×15 м. В отвалах у них находили каменные кайла и молоты с желобками для привязывания. Метрах в трехстах от Еленовского карьера берега старицы Киймбая были усыпаны кусками мелкодробленой руды. Скорее всего, первобытные металлурги тут ее промывали. Это была их «обогащительная фабрика». Плавку тоже проводили где-нибудь по соседству. На противоположном берегу реки я нашел три стоянки — одну прямо против рудника, а две ниже его. Рядом располагалось и кладбище того же времени с могилами, обведенными кольцами из обломков пустой породы, вынутой из рудника. Значит, он разрабатывался до того, как начали хоронить на этом могильнике. Через несколько лет специальная экспедиция Е. Е. Кузьминой открыла близ Еленовки целых 30 стоянок и 20 могильников. Все они относятся к середине и второй половине II тыс. до н. э., к так называемой андроновской культуре. Создатели ее и были теми людьми, которые снабжали металлом и готовыми изделиями население Нижнего Поволжья и Западного Казахстана.

Помимо простых рудников — в виде карьеров и ям — на Урале известны и более сложные — настоящие штольни с забоями, опорными столбами и подземными галерея-

ми. Они выявлены на Каргалинском месторождении в Оренбургской области и, может быть, отражают следующий этап в эволюции горного дела, поскольку там найдены предметы античного времени.

Для железного века Урала, как и для лесной полосы Русской равнины, характерны городища. Кажется неожиданным, что в этом горном краю укрепления только земляные и деревянные, а каменных крепостей, наподобие крымских и кавказских, нет нигде. Но район этот лежал в стороне от бурных событий переднеазиатской и средиземноморской истории, жизнь его обитателей текла сравнительно спокойно, и в солидных фортификационных сооружениях они не нуждались. Лишь в XVII столетии русские колонисты возвели в своих городах — Соликамске, Верхотурье, Усолье — первые каменные постройки: дома, церкви и крепостные стены.

Интереснейшая тема уральской археологии — жертвенные места. Капища у священных источников, деревьев, камней, на вершинах гор, на перевалах и т. д. были у древних племен всех частей света. У нас на Кавказе на труднодоступных вершинах близ дагестанских аулов Согратль и Арчо обнаружены скопления костей животных и медные статуэтки I тыс. до н. э. Но ни в каком другом районе СССР не исследовано столько примитивных культовых памятников, как на Урале. Объясняется это, должно быть, раздробленностью родовых групп древних уральцев. На юге рано сложились союзы племен и государства, рано появились крупные межплеменные и племенные святилища, христианские и мусульманские храмы. Между тем на севере у охотничьих народов чуть ли не до наших дней таились в лесной глуши бесчисленные мелкие родовые капища.

Бывают они самыми разными. На реке Чусовой на почти отвесном утесе, прозванном Камень Дыроватый, находится небольшая пещера. При раскопках в ней собраны тысячи наконечников стрел — каменных, костяных, бронзовых и железных. Некоторые из них застряли в трещинах скальных стен и потолка. Других древних орудий или черепков не было совсем. Очевидно, в пещере никогда никто не жил, но с ней связывались какие-то поверья и обряды. Путникам, проплывавшим мимо пещеры, полагалось выпустить туда стрелу, наверное, для того, чтобы поразить или напугать обитавшего в ней злого духа. Эти

поверья восходят ко времени, когда еще употребляли каменные орудия, а дожили они до средневековья, ибо поздние типы стрел археологи датируют XIV в.

Языческие святилища Урал красочно описаны русскими миссионерами. Так, в житии Трифона Вятского, умершего в 1612 г., рассказывается: «И дошед места, иде же обе реки, глаголемыя Мулы, из единого места разыдошеся надвое... Бе ту их, агарян и многих язык, идольское жертвище, и от всех стран и рек — с Печоры и с Сылвы, и с Обвы и с Тулвы... со всеми своими улусы остяки и вогуличи со всех ловль своих ту в едино место съезжахуся. Обычай бо бе им нечестивым по своей их поганской вере идольские жертвы творити под деревом...»¹⁵

Археологам захотелось разыскать это урочище, и они действительно нашли подходящее городище на площадке горы, омываемой с трех сторон речкой Нижней Мулянкой, у села Гляден Пермской губернии. Культурный слой, толщиной от 1,5 до 4 м, был густо насыщен костями, так что памятник назвали Гляденовским костящем, а не городищем. Кроме костей слой содержал до 19 тыс. древних предметов. Главным образом это бусы, но сотнями экземпляров представлены и грубые литые медные фигурки птиц, медведей, фантастических ящеров, наконецники стрел, монеты и т. д. Время существования памятника определяется по типам вещей с середины I тыс. до н. э. по VII в. н. э. Десятки поколений людей год за годом приезжали к этому межплеменному святилищу, чтобы положить к подножию росшего на нем древа низки бус, медные фигурки, туши животных, а по словам Трифона, еще и шелк, кожи, одежды, золото и серебро. Не исключено, что здесь же хоронили покойников.

Почитание древних капищ продолжалось и в эпоху промышленного освоения Урала русскими. В XVIII в. академик И. И. Лепехин наткнулся на вогульских идолов при осмотре пещер на реке Чаньве. Раскопки этих святилищ установили, что зародились они на тысячу лет раньше — в IX—X вв. На стойбищах вогулов-манси 200 лет назад ученые наблюдали даже, как отливаются медные идольчики, совершенно сходные с фигурками Гляденовского костяща и других уральских городищ начала железного века. Среди этих изображений стóбит отметить маленькие воспроизведения звериных шкур. По-видимому,

Серебряное блюдо со сценой охоты восточного владыки на львов найдено далеко на севере — у села Мальцева Соликамского района Пермской области

это замена настоящих мехов, некогда приносившихся в жертву, а потом сохранявшихся как ценный товар на продажу. Миниатюрные копии реальных вещей в археологии именуется вотивными предметами. Появление их в любом конце света знаменует распад древней обрядности — ведь богов беззащитно обманывают. В Гляденове к той же категории предметов принадлежат изображения оружия игрушечного размера.

Проблема жертвенных мест неотделима от другой загадки уральской археологии: здесь, в тайге, вдали от шумных городов Юга, в редком изобилии встречаются изделия, вышедшие из византийских и восточных художественных мастерских. В житии Трифона упомянуто о привезенном язычниками на Мулянку золоте и серебре. В русских документах XIV в. не раз повторяется термин «серебро закамское», обозначающий один из обычных видов дани, получаемой с Урала. С XVIII в. в музеи стали поступать образцы этого таинственного серебра — чаши, блюда, кувшины с орнаментом и изображениями. Часть из них была, бесспорно, византийской работы VI в., другие предметы сперва считали сасанидскими — иранскими. Теперь ученые думают, что помимо собственно иранских в коллекциях много изделий иных художественных центров, в том числе расположенных в пределах советской Средней Азии. Древнейшие сосуды датируются III в., большинство же моложе — V—VII вв. Аналогичные произведения восточных ремесленников обнаружены у нас кое-где еще — скажем, в Перещепине на Украине, но подавляющая масса их происходит именно с Урала, конкретнее из Прикамья. Несколько превосходных изделий такого рода выкопано там и в самые последние годы при разных случайных земляных работах. Напротив, на юге, ни в Малой Азии, ни в Иране, подобных находок почти нет. Золотая и серебряная утварь была переплавлена уже в древности.

Какова же причина обилия восточного серебра на Урале? Чем привлекали охотников хантов и манси блюда с изображениями стреляющих во львов коронованных всадников или музыкантов в странной одежде, оседлавших крылатого дракона? Ответить на эти вопросы удалось тем ученым, которые свободно ориентируются в истории культуры как Византии и Востока, так и уральских народов. После утверждения ислама в качестве господствующей религии вещи с изображениями, запрещенными мусульманством, оказались на Востоке не в ходу, и их старались куда-то сбыть. С другой стороны, купцы, путешествовавшие на Север за мехами, вероятно, слышали, что у хантов и манси не разрешается есть жертвенное мясо на деревянной посуде, из-за чего они очень дорожат металлической. Этнографы выяснили также, что золотые и серебряные блюда рассматривались на Урале иногда вовсе

не как тарелки, украшенные занятными сценами. Их приколачивали к деревьям или нашивали на мешки, набитые мехом, и воспринимали как личины идолов.

Я не исчерпал и малой доли тем, волнующих специалистов по археологии Урала. Надо было бы рассказать о недавних открытиях в Каповой пещере в Башкирии, где на стенах темных коридоров красной охрой нарисованы мамонты, носороги, дикие лошади. Это первый памятник палеолитической живописи в СССР. В Зауралье на скальных берегах Тагила, Нейвы, Исети, Ирбита сосредоточены более поздние петроглифы — в основном бронзового века. Я почти не говорил о могильниках, разбросанных по всему Уралу — от Полярного до Южного. В древнейшем из них — у села Пеган Курганской области — покойник был зарыт в вертикальном положении. Вместе с ним лежали костяные кинжалы, знакомые нам по находкам на торфяных неолитических стоянках. Множество любопытнейших вещей добыто при раскопках погребений начала железного века в Прикамье. Бронзовые топоры и кинжалы, сделанные из местного металла и похожие по форме на орудия предшествующего времени из окрестных районов, сочетаются тут с предметами, привезенными с юга — из Причерноморья — или подражающими античным и скифским прототипам. Долгий путь до берегов Камы прошла бляшка с головой греческого бога солнца Гелиоса или статуэтка египетского божества Амона. Не меньшего внимания заслуживают и другие памятники и раскопки, но не будем гнаться за полнотой.

Для наших целей достаточно нескольких примеров, свидетельствующих, что удаленный от центров древней цивилизации Урал вызывает тем не менее огромный интерес у историков, археологов и искусствоведов. Здесь можно проследить и местную линию развития, и влияние областей, лежащих за тысячи километров, как Византия, Средняя Азия, Причерноморье, можно уловить истоки ряда значительных явлений культуры, вроде пермской деревянной резьбы.

КАЗАХСТАН И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

По Казахстану я много ездил вместе с геологами еще школьником, в годы Отечественной войны. Здесь, около станции Саксаульская в Северном Приаралье, в 1944 г. я сделал свои первые археологические находки. В Среднюю Азию я попал лет 20 спустя, уже археологом-профессионалом. Я забирался в глухие ущелья Гиссарских гор, осматривал прославленные памятники прошлого в Узбекистане, Туркмении и Таджикистане, но должен признаться, что получил об этом изумительном крае лишь самое общее, поверхностное представление.

Вероятно, лучше было бы разделить этот очерк на два, но расчленить тесно связанные темы непросто. На протяжении минимум пяти тысячелетий история Средней Азии складывалась в ходе сложнейших взаимоотношений земледельцев, обитавших в предгорных оазисах, с кочевыми племенами, заселявшими степные и пустынные районы. Рубеж между этими двумя мирами менялся, но, разумеется, никогда не соответствовал современной административной границе союзных республик. Пустыни, занятые кочевниками, вклинивались далеко на юг Туркмении и Узбекистана. Полоса оазисов разрезает пустыню вдоль течения Сырдарьи и Амударьи. Высокогорье Памира и Тянь-Шаня земледельцами освоено не было и оставалось районом пастбищ, отгонного скотоводства.

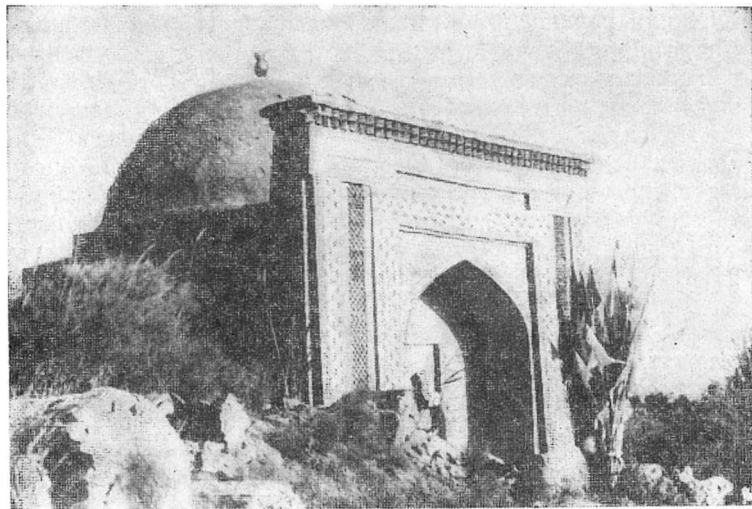
Словом, пока вы путешествуете по Средней Азии, этот двуликий Янус поворачивается к вам то одной, то другой стороной. То вы задыхаетесь от жара пустыни и рады даже липкой грязи из высохшего колодца с дохлыми тушканчиками, то наслаждаетесь прохладой в тени деревьев под журчанье арыков. Так вспоминаю я всегда привал у источника Чашма в Таджикистане — прозрачного водоема с рыбками-маринками.

В 1940-х годах Западный Казахстан был почти без-

людным. Можно было день за днем ехать по Устюрту, не встречая ни кибитки, ни каравана верблюдов. Стада сайгаков бежали рядом с нашей машиной, медленно преодолевавшей бездорожье каменистой пустыни — гаммады. Звери были непуганые, и любопытство преобладало в них над страхом неведомого. Бескрайность, необозримость пустыни зачаровывала. Раскачиваясь в кузове грузовика и вперив взор в пространство, я впадал в какое-то оцепенение. Непрерывной смены впечатлений, как на горных дорогах Крыма или Кавказа, тут нет и в помине. Смотреть в сущности не на что: кругом все те же пески и такыры, те же суслики и тушканчики. Движение скрадывается. Редко-редко что-нибудь нарушит эту монотонность. Там, где мы ездили, то были чинки — крутые обрывы Устюрта, берега самого синего в мире Аральского моря и древние мавзолей-мазары.

На Мангышлаке и Устюрте, в Бетпак-Дале и Прибалхашье — их сотни. Иные сложены из камня, привезенного откуда-то издалека, другие — из местного ракушечника, третьи — из обожженного кирпича, четвертые — про-

Так выглядят среднеазиатские и казахстанские мазары

сто глинобитные. Формы у всех довольно стандартные — это кубы или прямоугольники, покрытые полушарным сводом. Невысокие здания видны в пустыне за добрый десяток километров. Приблизившись, различаешь теснящиеся к ним более скромные могилы, чахлые кусты саксаула, увешанные тряпочками — символическими приношениями стариков-магометан. Мазары пользуются почитанием, а иногда приписываются известным мусульманским святым. В трещине стены внутри одного мавзолея я нашел несколько спрятанных книг. Часть из них была XIX в. — казанской типографии, часть — древних, рукописных.

История архитектуры Казахстана разработана мало, и о возрасте мазаров говорить пока что трудно. Даже самый популярный памятник — мавзолей казахских Ромео и Джульетты — Козы-корпеш и Баян-сулу в Прибалхашье (легенда о них привлекла внимание Пушкина) ученые датируют весьма осторожно — где-то между VIII и XVI вв. При всей бедности форм эти непритязательные постройки степных зодчих запоминаются надолго. На фоне однообразной мертвой пустыни они очень выигрывают, воспринимаются как подлинные произведения искусства, как что-то живое, а вовсе не как заброшенные старые могилы.

Запомнились мне в Казахстане и совсем недавние — XIX или начала XX в. — каменные надгробия с надписями затейливым арабским шрифтом и рельефными изображениями всяческого имущества покойников — от плеток и сапог до русских самоваров.

Другие древности, с которыми я столкнулся в Приаралье, относятся к неизмеримо более отдаленной эпохе. На выдувах среди песков я собирал каменные орудия — тонкие пластинки, сколотые с кремневого или кварцитового ядрища — нуклеуса, и сделанные из этих пластинок наконечники стрел, скребки, проколки. Изредка вместе с кремнями попадались и черепки лепных сосудов с примесью толченой раковины в глине и с орнаментом из отпечатков зубчатого штампа. Но обычно ранняя рыхлая керамика в пустынях не сохраняется: соленые почвы разрушают ее. Археологические находки в Приаралье характеризуют эпоху неолита и энеолита, IV—III тыс. до н. э., культуру бродячих охотников и первых скотоводов. Их кратковременные стоянки располагались у колодцев

или в тех местах, где, роя неглубокие ямы, легко дойти до грунтовых вод. Признаком этого служат кусты высокой степной травы — чия. «Заметите такие заросли,— советовавал мне один опытный археолог-разведчик,— притормозите машину и поищите кремни — не ошибетесь». В ряде пунктов каменные орудия лежат на выровненной плотной поверхности в песках — это островки древней почвы. Барханы не всегда двигались, в какие-то периоды они оставались и зарастали травой. Потом ветер брал свое и перевеивал почвенные и культурные слои. Но кое-где они уцелели, и тогда в них можно найти обломки сосудов и кости животных. Они-то и свидетельствуют об охоте первобытного человека на сайгу, джейрана, дикую лошадь — джегитая, о разведении крупного и мелкого рогатого скота.

Встречались мне на выдувах и вещи позднейшего времени — черепки андроновских горшков и кусочки медной руды, треугольные граненые бронзовые наконечники стрел скифских типов и осколок каменного сарматского жертвенного блюда. На Эмбе я видел обширные могильники эпохи бронзы и железного века. В отличие от Причерноморья курганы азиатских степей не чисто земляные, а с теми или иными каменными конструкциями. И все-таки Казахстан остался в моей памяти прежде всего страной мазаров и мелких каменных орудий — микролитов.

Уже на пустынном Устюрте есть форпосты земледельческой культуры юга Средней Азии, вроде средневекового караван-сарая Белеули. Через пески проходили торговые пути к низовьям Волги, в Хазарию, а позже в Золотую Орду, в Крым, русские княжества, в Западную Европу. Караваны верблюдов везли туда шелк, пряности, художественные изделия Востока. Приближение иного мира почувствуете вы, двигаясь в Среднюю Азию и по железной дороге. После надоевшей песчаной равнины особенно эффектно выглядит из окна вагона огромная мечеть Ходжи Ахмеда Ясави в городе Туркестане, возведенная в конце XIV в. по приказу Тамерлана. И вот вы уже в классической Средней Азии — у минарета мечети Калян в Бухаре, на площади Регистан в Самарканде, в старой Хиве, на руинах древнего Мерва.

При осмотре памятников прошлого часто хочется оживить их, заселить людьми той же эпохи. Как ни пре-

красны кремлевские стены и церкви Новгорода и Пскова, для полноты картины нам все же недостает ладей на пристанях Волхова и Великой, шумного торгова на площадях. Отсюда, очевидно, успех представлений «свет и звук», разыгрывающихся для туристов у подножий египетских пирамид и в средневековых замках Европы. Только на Кавказе, где-нибудь на узких улочках Дербента порой возникает ощущение, что средневековая крепость продолжает жить своей прежней жизнью. В Хиве или Бухаре, где старая часть города обособлена от новой, это ощущение еще сильнее. Прохожие на улицах одеты по-восточному пестро. Мимо мечетей едут на осликах библейского вида бородачи. В тени сводчатых торговых помещений «таки» сидят и работают умелые ремесленники. И глядь, один из них вытачивает трапециевидные костяные гребни, подобные тем, что мы находим при раскопках средневековых поселений. Кажется, что старина и быт переплетаются здесь, как на верещагинских полотнах «Торжествуют» и «Двери Тамерлана». Может быть, поэтому в серии «Культурные сокровища России» после выпусков о подмосковных усадьбах, о Калуге, Туле, Торжке была опубликована в 1917 г. единственная книга об этом крае со специфическим названием «Старина и быт Средней Азии». В ней рассказывалось не только об архитектуре Самарканда, Мерва, Бухары, но и о коврах и восточных базарах.

В русских литературе и искусстве Средней Азии повезло меньше, чем Кавказу. Его природа и памятники прошлого в период расцвета романтизма, в первой половине XIX в., вдохновляли замечательных поэтов и художников. С «Туркестаном» русские познакомились во второй половине того же столетия, в пору трезвого реализма, и яркий облик этой страны запечатлеп был далеко не адекватно. И путевые очерки Всеволода Крестовского, и зарисовки Шир-дор и Шах-и-зинда Верещагиным как-то суховаты, протокольны.

Но впечатление о живучести среднеазиатской старины обманчиво. Мало того, что ремесленники, работающие в «таки», объединены в производственные артели, фоном современного быта служит лишь самый поздний пласт здешних древностей.

Города-музеи Узбекистана и Туркмении ежегодно притягивают к себе тысячи наших и зарубежных туристов.

Величественны и гармоничны ансамбли самаркандских Регистана и Шах-и-зинда, изумительны чистые бирюзовые тона мозаик, перекликающиеся с красками южного неба, богатейшая орнаментика на фасадах и в интерьерах зданий. Чтобы посмотреть на внутреннее убранство одного мавзолея Тюрабек-ханым XIV в. с переплетением бесчисленных звезд на сферическом своде, стóит совершить утомительное путешествие на поезде и автобусе в древний Куния-Ургенч. Под знойным солнцем юга изобилие украшений не утомляет, а воспринимается как единственно возможное для этого края. Зрителя пленяет их изысканность, строгая выверенность построения, никогда не ведущая, однако, к засушенности. Эти черты монументального искусства в миниатюре повторяются и в прикладном. В песках под Ашхабадом, вдоль древних караванных путей в пустыне рассеяны миллионы черепков от средневековых сосудов, покрытых той же, что на изразцах, голубоватой поливой с черными и белыми завитками вычурного орнамента.

Можно день за днем бродить по Бухаре и каждый раз открывать в ней что-то новое. Для нас, северян, все вокруг непривычно. При сухом климате не было нужды в двускатных крышах. Кровли домов плоские. Линии порталов идеально прямые. Вертикали минаретов тоже прямоугольны, и контур города совсем не такой, как на Руси, с ее шатровыми колокольнями и заостренными крышами изб. Воды сверху не ждали. Она струилась по обочинам улиц в арыках, плескалась в бассейнах-хаузах, примыкающих к большинству караван-сараяв и мечетей. Там, где водоемы полны воды, они очень украшают город. Удивительно хорош ансамбль Ляби-хауз в центре Бухары с тремя отражающимися в его глади П-образно расположенными зданиями XVI—XVII вв.

Итак, вы ходите по Самарканду, Хиве, Бухаре и列表аете свой путеводитель. Из него вы узнаете, что едва ли не все заинтересовавшие нас произведения архитектуры сооружены в XIV—XV вв., а иные и того позже. Замыслы строителей той эпохи осуществились лишь частично. Рухнули строившиеся без точного расчета грандиозная мечеть Биби-ханым в Самарканде и дворец Ак-Сарай в Шахрисябзе. Но определенный стиль был создан, толчок был дан, и в традициях этого времени работали даже хивинские зодчие XIX в.

Среди всех этих подчеркнута богатых построек теряются немногие сохранившиеся здания предшествующей эпохи. Между тем некоторые из них не менее прекрасны. Вот мавзолей Исмаила Самани рубежа IX и X вв. в Бухаре. Характерной для XIV—XVI столетий поливной глазури на нем нет — эта техника была освоена только в XI—XII вв. Вместо блеска мозаик, переливающихся красок на изразцах — бирюзовых, желтых, изумрудных — простой кирпич — терракота. Все скромно, одноцветно, но сплетения резного узора на фасаде — не броские, лишённые вычурности, на мой взгляд, еще выразительней. Внешний эффект не подменяет тут глубину содержания. Так мы в первый раз заглянули чуть дальше забывающей все в узбекских городах-музеях позднесредневековой архитектуры. Но это еще тот же этап истории, те же принципы искусства — господство орнаментализма и почти полный отказ от изобразительности.

Письменные источники говорят и о другой Средней Азии — о государствах I тыс. до н. э., связанных с ахеменидской Персией, о походе Александра Македонского, о сложении после распада его империи новой культуры, о переплетении давних местных традиций с античностью, о влиянии цивилизации Индостана, о буддийских и христианских общинах. К числу крупнейших заслуг русской и советской археологии принадлежит то, что ею открыты и изучены памятники этого периода. Уже до Октябрьской революции в руки любителей, заложивших основы археологии Туркестана, попадали отдельные предметы, относящиеся к периоду до арабского завоевания VIII в. Собирались монеты, выполненные в лучших традициях античного медальерного дела, чеканенные в Греко-Бактрийском царстве — одном из наследников мировой империи Александра Македонского. На древнем городище Самарканде — Афрасиабе — находили миниатюрные глиняные статуэтки богинь, похожие то на античные образцы, то на скульптуры гандхарской школы в Греко-Индийском царстве кушан. В ряде мест встречались своеобразные глиняные и алебастровые ящики — оссуарии. Они напоминали о священной книге иранцев — «Авесте», о зороастрийской религии. Приверженцы ее не зарывали своих покойников в землю, не сжигали их, а выставляли на специальных погребальных башнях — дахмах. Когда же тела умерших расклевывали хищные птицы, кости складывали

в оссуарии. Обычно они имеют рельефные украшения на стенках и воспроизводят наружный вид дома. В области, подвергшейся античному влиянию, это здания с колоннами, в Семиречье, близком к кочевому миру, — нечто вроде юрты. Были известны до революции и памятники других религий, вытесненных позднее мусульманством, — статуи Будды, высеченные в скалах у Иссык-Куля, надгробия христиан-несторианцев в Мерве (христианство проникло туда еще в III в., последние же сведения о несторианской общине в городе относятся к X в.). Все эти находки показывали, что история среднеазиатской цивилизации насчитывает не одно тысячелетие, что по мусульманским тюркским древностям нельзя судить об облике культуры этого района на всех этапах ее развития.

Но разрозненные предметы и случайные наблюдения давали историкам слишком мало. Надо было найти города и могильники I тыс. н. э. и предшествующего периода и исследовать их в широких масштабах. Этим и занялись советские археологи, притом одновременно во

Жилой холм Ак-тепе — поселение древнейших земледельцев под Ашхабадом

всех основных областях доаравской Средней Азии — в Парфии и Бактрии, Хорезме и Согде. Постепенно — в 1930—1950-х годах — начали обрисовываться контуры ряда очень высоких, самобытных, трагически погибших культур. Искусство их было изобразительным, а не орнаментальным. Среди развалин городов обнаружены настенные росписи со сценами праздничных пиров и парадных шествий, глиняные, алебастровые и мраморные статуи богов и правителей. Фортификационные сооружения, дворцовые комплексы, дахмы, христианские и буддийские храмы свидетельствуют о совсем иных линиях связей, чем в позднейшую эпоху. Складки одежд на статуях трактованы, как в античной скульптуре. Особенности крепостных башен и бойниц те же, что и в ахеменидском Иране. Но мы условились во введении к этой книжке, что речь в ней пойдет не о результатах раскопок, а о памятниках, бросающихся в глаза каждому.

Сейчас на Афрасиабе — в древней Мараканде — ведутся работы по созданию музея под открытым небом, и вскоре все желающие смогут посмотреть на остатки дворца VII в. с фресками, запечатлевшими прием посольства дружественной державы. Проехав километров 70 на юго-восток от Самарканды, экскурсанты побывают (уже на территории Таджикистана) в раскопанном на две трети городе VI—VIII вв. Пенджикенте. И там были великолепные фрески, но они перенесены в залы Эрмитажа. Зато перед нами руины самого города. До арабского нашествия он располагался на берегу Зеравшана, на довольно покатом склоне, по которому некогда весело бежали десятки арыков.

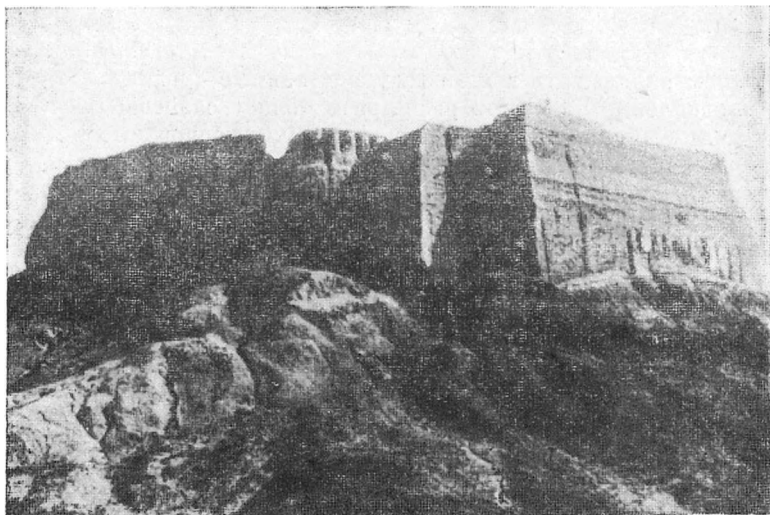
Городов и селищ того же и более раннего времени, не тронутых пока лопатой археолога, в Узбекистане, Туркмении и Таджикистане несметное множество. Это знакомые нам по Закавказью глиняные холмы — тепе. В речных долинах, и теперь густо заселенных, они хорошо заметны среди хлопковых полей. Культурный слой тепе, насыщенный органическими веществами, нередко берут на удобрения. В пустынях Хорезма стоят совсем целые крепости с башнями, стенами, бойницами. После того как люди ушли отсюда, только песок и ветер разрушали эти постройки.

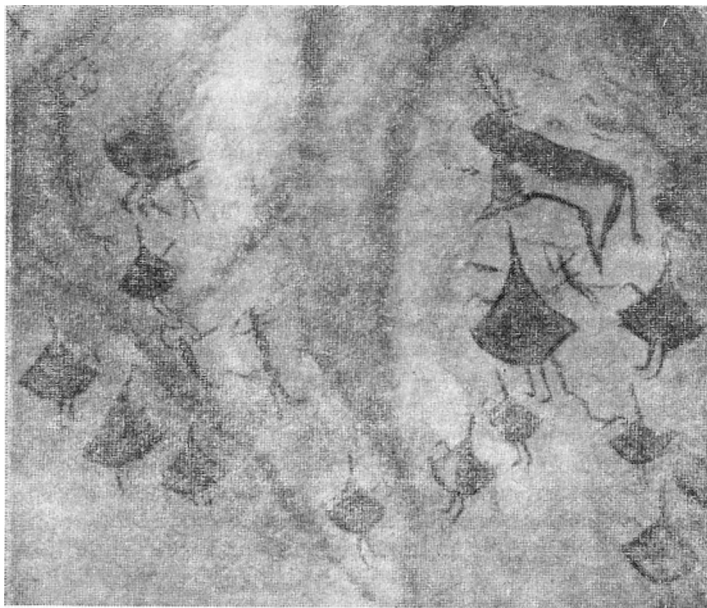
Главным строительным материалом на Востоке долгое время был сырцовый кирпич. Здания быстро приходили

в негодность. Прямо над ними возводили другие. Жилой холм рос в высоту. При его раскопках нужно уметь отыскать в едином, казалось бы, глиняном слое стѣны и углы древних комнат, отличить завал верха стѣны от ее уцелевшей нижней части. Этим искусством в совершенстве владеют лишь опытные археологи. На стенах освобожденных от завала помещений и были выявлены фрески Самарканда, Пенджикента, Варахши, Балалык-тепе, барельефы и скульптуры Топрак-калы в Хорезме.

Близ покинутых замков, городов и усадеб видны затянутые песком линии каналов. Они охватывают большие участки давно превратившихся в пустыню районов, составляющих так называемые земли древнего орошения. Открытие заброшенных городов в глубине пустыни поставило перед учеными вопрос: какими факторами — природными или историческими — это объясняется, не указывает ли это на прогрессирующее иссушение данной территории? Проблема не только теоретическая. Ведь если признать, что какой-то регион обречен на высыхание, не-

Глинобитные стены крепости I—IV вв. н. э. Аяз-кала в Хорезме и сейчас стоят в полную высоту

**Роспись красной охрой в ущелье Зараутсай в Узбекистане.
Мезолитические охотники окружили дикого быка**

зачем вкладывать в него государственные средства, вести наступление на пески, расширять полосу оазисов. Всесторонний анализ вопроса географами и археологами привел и тех и других к ответу — нет, Средняя Азия не высыхает. Барханы поглотили каналы не потому, что изменилась природная обстановка. Цветущие оазисы были разорены при набегах кочевников.

Параллельно с раскопками древних городов в пустыле советские археологи успешно изучают и историю ирригации, игравшей в этом краю огромную роль. Недаром такое большое место в классической поэме Навои отведено рассказу о постройке канала Фархадом. Выяснено, через какие этапы проходила эволюция орошаемого земледелия. Она началась с подчистки естественных русел, а завершилась созданием сложных систем с магистральными каналами и веерообразным разветвлением крупных и мелких арыков. Зачатки ирригации отмечаются задолго до

возникновения государств, во всяком случае в энеолите, а земледелие, основанное на естественном подтоплении участков предгорий, — и того раньше, где-то около VI тыс. до н. э. Уже тогда труд этот требовал от первобытных общин колоссальных усилий. Вырытый в III тыс. канал в Геокюрском оазисе в Туркмении достигает 3 км в длину. Из него вынуто до 7500 м³ земли. А для этого необходимо не менее 2500 человеко-дней.

Сейчас внимание археологов сосредоточено как раз на древнейшем периоде среднеазиатской истории. После парфянских, бактрийских, хорезмийских древностей пришел черед первобытных стоянок. И они не разочаровали ученых.

В Байсунских горах в пещере Тешик-таш обнаружены мустьерские орудия и скелет мальчика-неандертальца. Неподдалеку, в ущелье Зараутсай на стенах неглубокого грота найдены росписи, вероятно, мезолитического возраста, изображающие охоту лучников на диких быков. Каменный век Узбекистана оказался похожим на палеолит и мезолит Причерноморья и Средиземноморья. Но особенно важны самые ранние земледельческие поселения — невысокие тепе у подножия Копетдага. Именно здесь удастся проследить зарождение скотоводства, земледелия, ирригации, появление глиняной посуды и медных орудий, храмов и городов, сложение первых государств, проследить, как в неолитическую и энеолитическую эпоху Средняя Азия разделилась на две зоны — зону оазисов в предгорьях и зону охотников, а позднее скотоводов в степях и пустынях.

Раскопки в Туркмении пролили новый свет на проблему первостепенного значения — формирование производящего хозяйства и государств, вызвав интерес у историков всего мира.

ЮЖНАЯ СИБИРЬ. МИНУСИНСКАЯ КОТЛОВИНА

Каждый, кто хочет узнать нашу страну, должен хотя бы раз, хотя бы в один конец проехать по Транссибирской магистрали — от Москвы до Владивостока, по-своему прочувствовать то, что сказал Твардовский в поэме «За далью — даль». За неделю перед вашими глазами развернутся, сменяя друг друга, ландшафты Поволжья, Приуралья, Сибири, Дальнего Востока, целый день вы будете оглядываться по самой кромке берега неправдоподобно прозрачный Байкал. Вы проедете мимо старых русских городов Кирова (прежней Вятки), Перми, Красноярска, увидите стремительно развившиеся за 100 лет Новосибирск, Хабаровск, Владивосток и совсем молодые промышленные центры Ангарск, Черемхово. В зависимости от возраста, жизненного опыта, круга интересов пассажиры экспресса заметят и запомнят разное, но любой найдет в дороге пищу для размышлений, любой вернется из поездки богаче, чем был до нее.

У меня, историка и археолога, впечатления и ассоциации были, естественно, чисто гуманитарные. Поезд отошел от Москвы поздно вечером, ночью пронесся мимо Ростова Великого, Ярославля, Галича — дорогих для нас заповедников русской архитектуры. Я проснулся уже в лесном Приветлужье и сразу прильнул к окну, надеясь отыскать на речных мысах валы городищ, исследованных в 1920-х годах, когда в обработке материалов раскопок принимал участие начинающий зоолог — мой отец А. Н. Формозов. Днем мы проехали Киров. Вспомнились главы «Былого и дум», рассказ Герцена о его первой ссылке в Вятку, об опальном архитекторе Витберге. К вечеру за широкой Камой показалась Пермь с высокой колокольней в центре города. Это — картинная галерея. На колокольню свезены и рассажены там грустные деревянные пермские боги. Потом — Кунгур. Около него

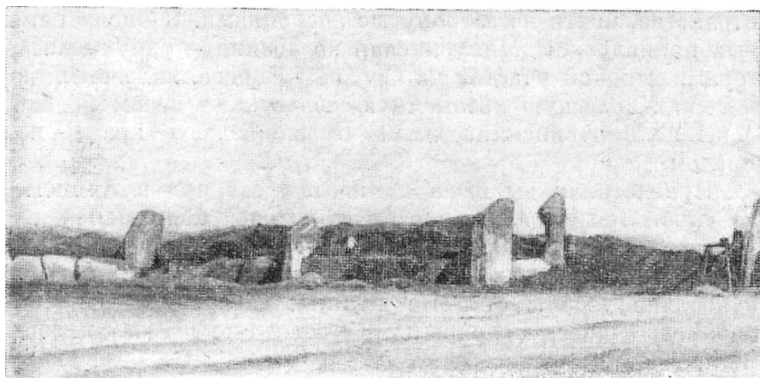
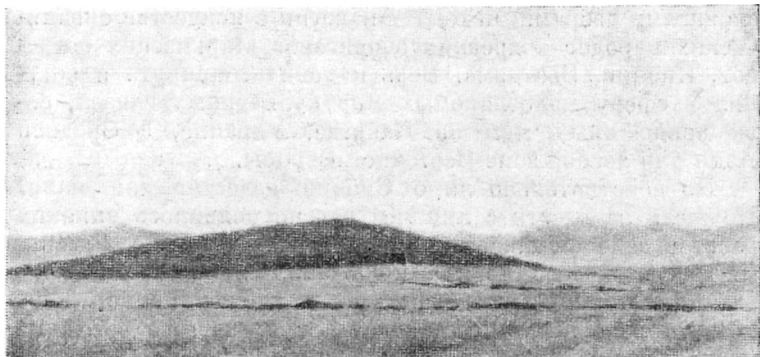
в горном кряже прячется знаменитая пещера — одна из самых больших в СССР. Но за вторую ночь Урал остался позади, и мы пересекли покрытую бесчисленными озерами Западно-Сибирскую низменность. Промелькнул Ялуторовск, где после каторги жили на поселении многие декабристы. Впереди — Енисей, родина Сурикова Красноярск, Иркутск, Байкал. И вдруг я поймал себя на том, что имена и памятники прошлого припоминаются мне все реже. За Байкалом перед моим растерянным взором чуть ли не двое суток расстилалась terra incognita. Крупнейшим населенным пунктом в этих местах считается Могоча. Только в Приамурье и Приморье я слегка приободрился. Как же — Арсеньев, Дерсу Узала, Сакачи-альян. Вблизи этого нанайского поселка выше Хабаровска на берегу и в русле Амура лежат огромные глыбы базальта с высеченными на них загадочными личинами, похожими на обезьяньи морды. Эти маски, украшенные сложными узорами, находят аналогии в искусстве океанических народов — древних аборигенов Маркизских островов, Японии, Вьетнама. Ведь к концу маршрута я вступил в сферу малознакомых мне культурных связей, совершенно иных, чем на Кавказе, Украине, в Средней Азии или лесной зоне Восточной Европы.

Но действительно ли о Сибири известно так мало? Неужели за двести с лишним лет не появилось никаких работ о далеком прошлом Сибири? Нет, конечно. Русскими и советскими историками сделано немало. Но пока что эта территория исследована очень неравномерно. Есть сравнительно небольшие регионы, куда из года в год отправляются экспедиции археологов, и есть обширные пространства, почти не затронутые раскопками. К числу первых принадлежит Минусинская котловина — окруженный горами степной участок на Среднем Енисее, включающий в себя Хакасскую автономную область на левом берегу реки и Минусинский район Красноярского края — на правом.

Приедете ли вы сюда на поезде, свернув в Ачинске на юг от магистрали, или на пароходе, поднимаясь по Енисею вверх от Красноярска, вы неминуемо заметите торчащие среди трав вертикально вкопанные камни. Ими буквально усеяны степные долины Хакасии, живописно перемежающиеся с покрытыми густым таежным лесом горными хребтами.

Еще в XVII в. пришедшие на Енисей русские переселенцы были поражены обилием этих древних надгробий. Тогда же предприимчивые люди попробовали покопаться под камнями, и не напрасно — в некоторых могилах рядом со скелетами стояли золотые сосуды, а на костяках коней лежали золотые бляхи. Грабительские раскопки — «бугрование» — сразу приобрели широкие масштабы. Красноярские воеводы выговаривали себе десятую долю добычи и не препятствовали кладоискателям. А те, сколотив артели по 200—300 человек, на все лето уходили в степь. Извлеченные из могил драгоценности тут же разламывали на куски и переплавляли.

Салбыкский курган в Хакасии до и после раскопок. Под насыпью была скрыта ограда из громадных каменных плит

Так все и шло не меньше 100 лет, но вскоре сибирскими курганами заинтересовались ученые, посланные на восток империи Петербургской Академией наук. Уже в 1721—1727 г. доктор Даниил Мессершмидт занялся описанием разнообразных енисейских древностей — кладбищ, наскальных изображений и каменных изваяний. Около Абаканского острога он впервые с научными целями раскопал курган и составил чертежи захоронений. Эту работу продолжили десятилетняя экспедиция Г. Ф. Миллера и его преемники. Все они неизменно расспрашивали бугровщиков об их находках. Выяснилось, что кладоискатели придумали своего рода классификацию памятников. Они различали «сланцы» и «маяки», «киргизские могилы», «земляные» и «творильные» курганы, знали, под какими насыпями скрыты бревенчатые срубы, где золото встречается, а где его искать безнадежно, в какой части могилы — в ногах или головах — его можно найти. Природная наблюдательность помогла крестьянам уловить сугубо археологические детали. В разные эпохи у населения Минусинской котловины практиковались разные обряды захоронения. «Сланцы» — это погребения бронзового века в невысоких ящиках из плитняка, «маяки» — курганы эпохи железа с вкопанными с четырех сторон массивными монолитами.

Славились енисейские степи и тем, что здесь при пахоте часто попадались древние бронзовые предметы. Лемех плуга выворачивал из земли объемистые котлы, топоры, кинжалы, уздечные наборы, нередко с изображениями животных — оленей, козлов, хищников. Количество находок было столь велико, что в 1864 г. один минусинец собрал более семи пудов «чуждских вещей» и пожертвовал их церкви на отливку колокола. Но не всем бронзовым орудиям так не везло. Отдельные образцы их поступали в музеи, русские и зарубежные.

Все же от случайных находок и наблюдений до науки было далеко. Переломным моментом стала последняя треть XIX в. В пору хождения в народ и позднейшего увлечения теорией малых дел, когда тысячи молодых подвижников пошли в земские врачи и сельские учителя, в провинциальной глуши возникли и первые музеи. В Минусинске музей был открыт в 1877 г. Его создал Николай Михайлович Мартьянов — типичный разночинец, сформировавшийся в 60-х годах. Сын лесного объ-

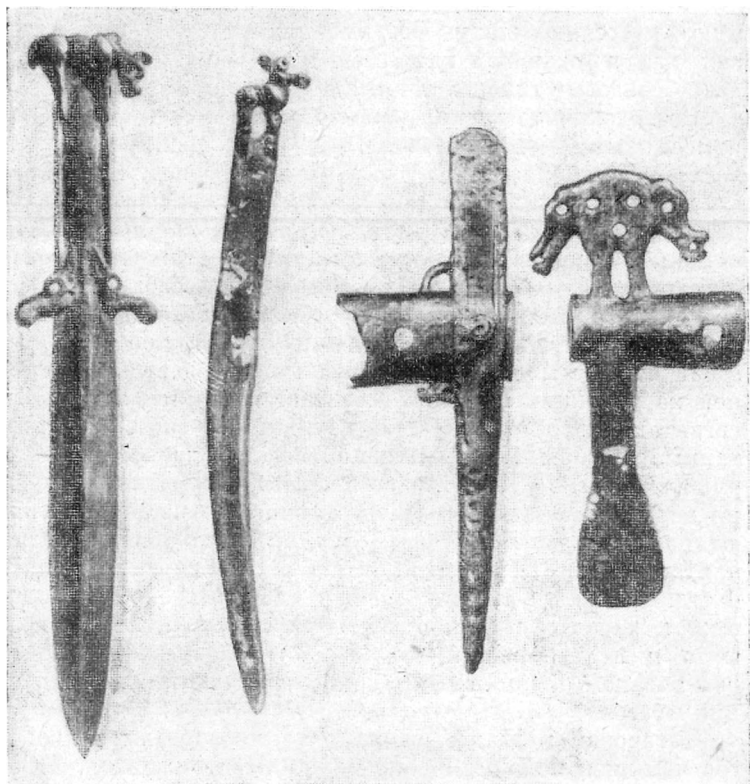
ездчика, бывшего унтер-офицера, он не получил систематического образования, но слушал в Петербурге лекции по геологии и зоологии. Сдав экзамен на звание провизора, он решил уехать в какой-нибудь захолустный городок и организовать там музей — один из очагов культуры, с помощью которого надеялся рассеять темноту русской жизни. Выбор Мартьянова пал на Минусинск. Он работал в городской аптеке, а каждую свободную минуту посвящал составлению гербариев, коллекций насекомых, минералов, окаменелостей. Верный заветам Писарева о великом значении естественных наук и бесплодности гуманитарных, Мартьянов сначала не думал об археологии и даже продавал подаренные ему древности, чтобы получить средства для биологических исследований. Но довольно скоро он понял, что перед ним целый неведомый науке мир, важные свидетельства о прошлом Сибири, и выделил место для «антропологии», как тогда говорили. Через десять лет это была главная гордость музея. Из Москвы, Петербурга, из Западной Европы в далекий Минусинск потянулись археологи и востоковеды изучать сибирские древности.

В 1886 г. вышла первая книга об этой коллекции, написанная высланным в Сибирь народовольцем Д. А. Клеменцом.

Мартьяновский музей сам по себе замечательный исторический памятник. В городке, насчитывавшем 5—6 тыс. жителей, за короткий срок выросли два каменных здания для экспозиции, несколько деревянных домов для фондов, многотомная библиотека...

Успешно развивалась сибирская археология и в последующие 30 лет. Но на нынешний высокий уровень она поднялась лишь в 1920—1930-х годах. Ленинградские и московские ученые С. А. Теплоухов, М. П. Грязнов, С. В. Киселев раскопали на Енисее множество погребений и разработали хорошо обоснованную научную классификацию добытых в них материалов. В 1960-х годах при сооружении Красноярской ГЭС сотни могильников в долине Енисея попали в зону затопления. Большую часть из них благодаря мобилизации всех археологов и щедрым ассигнованиям новостройки успели раскопать. За эти годы вскрыто, пожалуй, больше древних захоронений, чем за все предшествующие.

Казалось бы, длившееся 200 лет разграбление могиль-

Такие бронзовые вещи нередко находят при пахоте в Минусинской котловине. Эти ножи и боевые топоры отлиты две с половиной тысячи лет назад

ников, разлив водохранилища и т. д. должны были уничтожить основную массу памятников Минусинской котловины. И все-таки осталось их еще немало. Прямо на окраинах Абакана и Минусинска вы увидите каменные ящики, земляные курганы с плитами на углах и иные древние надгробия.

Особенно бросаются в глаза курганы-«маяки». Они достигают в высоту 10 и более метров. Их угловые камни нередко вдвое выше человеческого роста. Эти холмы появились в степи в начале железного века, в так называемые

мую тагарскую эпоху. Современники скифов — тагарцы как раз и отливали известные нам по находкам на пахоте бронзовые топоры, кинжалы и другие орудия.

Возведение тагарских «маяков» требовало колоссальной затраты труда, вероятно, даже большей, чем строительство причерноморских скифских курганов. Ведь кроме дерна и земли здесь, как и в мегалитических культурах Кавказа и Средиземноморья, широко применялся камень. Вкопанные вертикально плиты огораживали большой квадратный двор вокруг могилы и предохраняли от оплывания заключенную внутри насыпь. То, что эти стенки сложены не из мелких булыжников, а представляют собой единые многотонные монолиты, придает примитивной конструкции величие, вызывает в памяти легенды о гигантах, запросто таскавших на плечах куски скал, оторванные от горы. На протяжении веков вода и ветер разрушали курганы. Насыпи осели, земля закрыла оградки, но верхушки угловых камней обычно и сейчас выступают над могильным холмом. Там, где они обнажены, на плитах иногда заметны выбитые рисунки — человечки с растопыренными руками, олени с завитками на бедрах — сюжет, характерный для искусства скифов и их соседей, а то и целые сценки — человек убивает свинью топором-клевцом, точно таким, какие выставлены в экспозиции музеев.

Тагарские курганы ни разу не порадовали археологов чем-либо подобным сокровищам Чертомлыка или Солохи. Могилы ограблены уже в древности, скорее всего людьми, хорошо знавшими, где лежат золотые и бронзовые вещи. Не дали сколько-нибудь значительных находок и недавние раскопки грандиозного Салбыкского кургана в 60 км к северу от Абакана. Но было бы ошибкой назвать эти исследования неудачными. Выявленные в процессе раскопок детали позволяют с большой достоверностью реконструировать и первоначальный облик памятника, и этапы его возведения. Оставленная на месте ограда Салбыка превратилась в интереснейший музейный объект.

Высота кургана до раскопок была 11 м, а диаметр — 0,5 км. Под насыпью скрывался настоящий каменный дом — ограда размером 70×70 м из плит высотой 3 м. Поскольку земля, оказавшаяся за пределами ограды, сползла с вершины кургана, можно утверждать, что вы-

сота его некогда равнялась 25—30 м. Плиты установлены в специальной узкой траншее с таким расчетом, чтобы их верхушки находились на одном уровне. Внизу подложено дерево — амортизатор, оберегавший глыбы от растрескивания. Некоторые плиты привезены с берегов Енисея за 75 км. В насыпи прослежены вымостки из бревен. Вероятно, они скрепляли непрочную конструкцию из дерна и помогали затаскивать землю на ее вершину. Отмечены также зольные прослойки от пяти кострищ, заживавшихся, по-видимому, при совершении трезны. Основное погребение было начисто ограблено еще в древности, но уцелели могилы людей, перекрытые оградой, должно быть, рабов, принесенных в жертву перед сооружением усыпальницы для вождя.

Скромнее выглядят могилы предшествующего и последующего времени. В эпоху бронзы покойников хоронили во врытых наполовину в землю ящиках-сланцах, в ямах, обложенных срубам и обведенных кромлехами или покрытых каменной кладкой. Несмотря на незначительные размеры надгробий, большое впечатление производят и эти древние кладбища — сплошные могильные поля из сотен каменных ящиков над прахом людей, живших 3 тыс. лет назад.

Кладбища енисейских кыргызов VI—VIII вв. вошли в науку под тюркским именем чаа-тас. Они похожи на тагарские, но их насыпи гораздо ниже и состоят в основном из камня, а не из земли. Но это не результат бессистемной наброски. Тщательные раскопки показывают, что изначально камни были уложены в виде пирамиды или параллелепипеда и только позднее эта конструкция расплозлась.

Чем же объясняется такое изобилие могильных сооружений в Хакасии? Прежде всего тем, что злаковые степи Енисея — идеальное пастбище для скота. Защищенная от ветров горами — Западными и Восточными Саянами и Кузнецким Алатау Минусинская котловина обладает прекрасным климатом. Зимы здесь малоснежны, и скоту легко добывать корм. Словом, это подлинный рай для кочевников. Очень существенно и то, что на западе Хакасии расположены месторождения меди, разрабатывавшиеся, судя по чудским копиям, и в бронзовом и в железном веках, давшие сырье для тысяч металлических изделий. Чудские копии Кузнецкого Алатау напоминают

уральские — это наклонные по падению жилы штольни; на стенах их следы огня, применявшегося для облегчения проходки. В тех же районах сосредоточены запасы железа и золота. Все это привлекало на Средний Енисей подвижные племена скотоводов. Сейчас доказано, что археологические культуры, сменявшие друг друга на этой территории, принадлежали людям, пришедшим из разных мест. Одни вторгались сюда из пустынь Центральной Азии, другие продвигались с запада, из казахстанских степей, третьи просачивались из тайги, с севера, но в любую эпоху население Минусинской котловины оставалось очень плотным.

Скотоводы вели кочевой образ жизни, и поэтому стоянок и селищ на Енисее неизмеримо меньше, чем могильников. Все же тут раскопаны и палеолитические стойбища, и отдельные поселения бронзового и железного веков. Из палеолитических — можно назвать Кокорево в 230 км выше Красноярска. Там найдены не только кремневые орудия и кости животных, но и лопатка зубра с застрявшим в ней костяным наконечником дротика — редчайшее свидетельство об охоте древнекаменного века. В палеолитических росписях пещер Франции и Испании изображены бизоны, смертельно раненные копьями, вонзившимися именно в это место.

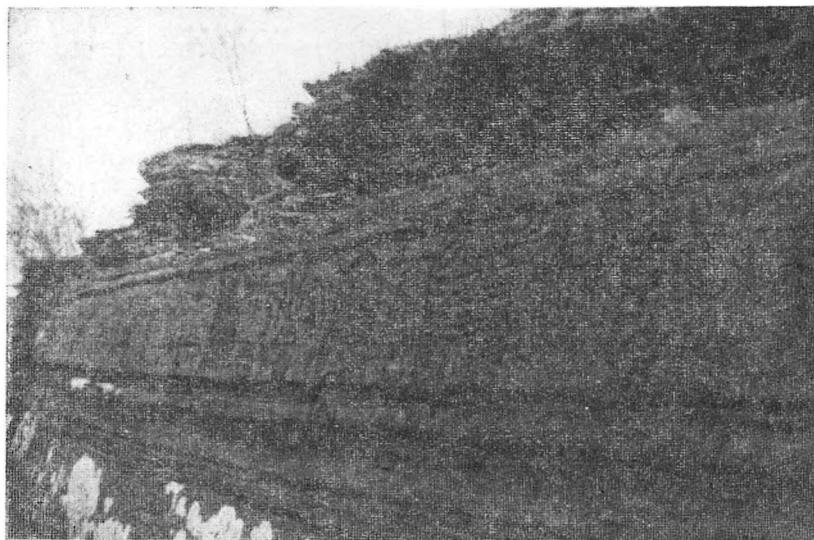
Облик поселений тагарской эпохи удастся восстановить не по раскопкам, а по древним наскальным рисункам. В бассейне Енисея их очень много. Большинство — сравнительно поздние, кыргызские. На них мы видим всадников, повозки с запряженными верблюдами, сцены угона скота и т. д. Реже встречаются ранние петроглифы, II тыс. до н. э., схожие с карельскими — лоси, лодки с пловцами. Самая замечательная писаница создана в тагарскую эпоху. На Боярском хребте у реки Сухая Тесь на длинной узкой полосе скал вырезан фриз длиной 9,8 м и шириной 0,5 м, запечатлевший большой поселок. Деревянные дома срубного и каркасного типа (первые, вероятно, зимние, вторые — летние) соседят с обычными кочевыми юртами. Около домов — люди, стада, бронзовые котлы с поддоном и ушками, известные нам по находкам и в Минусинской котловине, и за ее пределами. Тип этих сосудов дает право достаточно уверенно отнести изображение к концу тагарской эпохи — ко II—I вв. до н. э.

В этих гравировках все интересно — и прежде всего

сложная композиция, их трудно охватить единым взглядом, а надо последовательно рассматривать участок за участком, медленно двигаясь вдоль фриз. Этот принцип развертывания, свойственный в изобразительном искусстве китайским шелковым панно, более характерен для музыки и литературы. Интересно само поселение — оно вовсе не временное, кочевое, как можно было бы думать, а построенное солидно, надолго. Интересен и сюжет рисунков. Это, конечно, не простая иллюстрация, не фотография, а изображения, как-то связанные с культом. Недаром внизу фриз высечена голова фантастического животного с разинутой пастью, некое подобие крокодила. В древних поверьях мир часто разделяется на три сферы — небо, землю и преисподнюю. Боярская писаница распадается на три зоны. Верхнюю и центральную занимают дома, люди, стада, а в нижней показаны лишь дикие звери и готовый пожрать их страшный дракон.

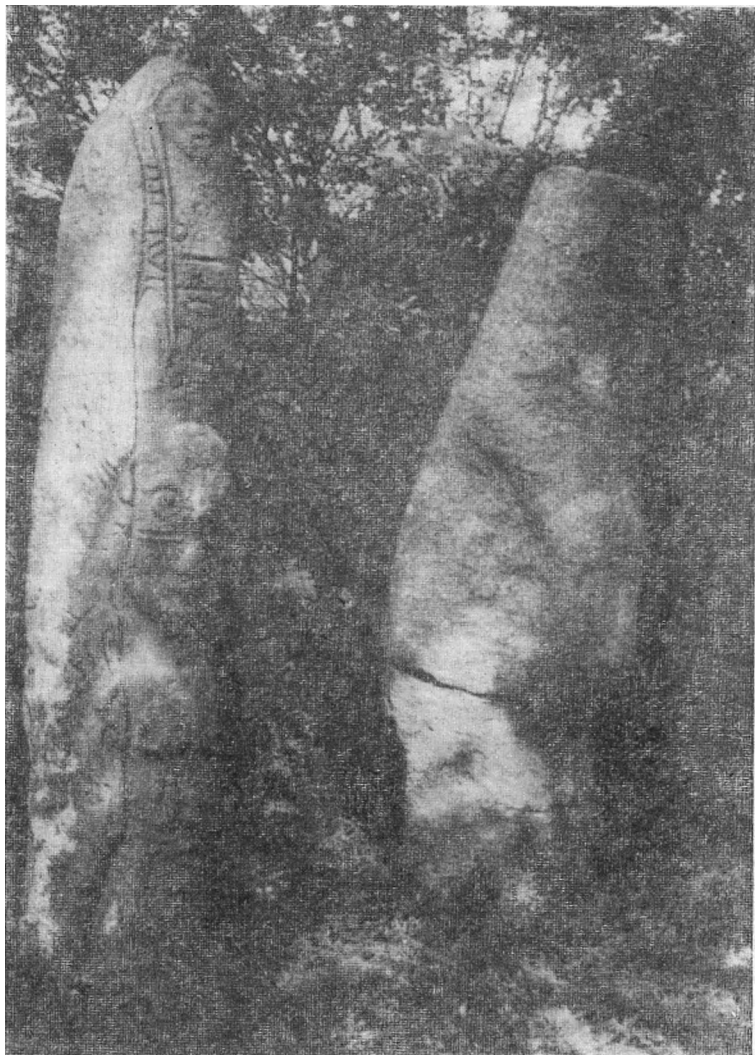
Помимо рисунков на скалах и на угловых камнях

Боярская писаница на Енисее. Древний художник изобразил бревенчатые дома, в которых жили его сородичи около двух тысяч лет назад

тагарских курганов в Минусинской котловине есть и другие произведения первобытного искусства, прежде всего каменные изваяния. От статуй, стоявших некогда на южнорусских курганах, они отличаются очень сильно. Те — скифские ли, половецкие ли, или самые ранние — эпохи бронзы — представляют собой более или менее схематическую фигуру человека с головой в верхней части плиты, руками и поясом посередине. Здесь же перед нами длинные, до четырех метров в высоту, столбы саблевидной формы, а личины на них находятся не наверху, а в центре или внизу, почти у земли. Очень редко изображены обычные человеческие лица. В основном это рогатые морды — маски с третьим глазом на лбу и какими-то полосами на щеках. Личин может быть несколько, а кроме того, ряд стел увенчан скульптурными головами баранов или среди линий, очерчивающих корпус главной фигуры, прячется, как на загадочных картинках, морда зубастого фантастического хищника.

Эти статуи видел и зарисовывал еще Мессершмидт, но ни возраст, ни назначение их долгие годы определить никто не мог. Только после того как была разработана периодизация и классификация минусинских древностей, кое-что начало проясняться. Оказывается, и енисейские кыргызы, и люди тагарской эпохи при сооружении своих могил неоднократно использовали эти скульптуры как простой строительный материал. Иногда их врывали на углах курганов вверх ногами, иногда разбивали на части. Значит, это памятники более раннего периода — бронзового века. Но и в рамках этого этапа истории им нужно отвести место не в самом конце. Уже во II тыс. до н. э. изваяния также использовали вторично как стенки каменных ящиков. Сейчас стелы увязываются с так называемой окуневской культурой первой половины II тыс. до н. э. Окуневцы были скотоводами, так что понятна особая роль барана в их культе и искусстве. В этом достаточно развитом обществе и возникли обряды, требовавшие создания монументальных изваяний. В противоположность причерноморским каменным бабам это не надгробия, не памятники умершим, установленные над могилами, а идолы вроде деревянных фигур Шигира и Горбунова на Урале. Некоторые из них не были потревожены в железном веке и до сих пор стоят в степи там, где их поставили четыре тысячи лет назад. Никаких за-

Странные существа — полулюди-полуживотные — смотрят на нас со стел бронзового века, привезенных во двор Абаканского музея

хоронений поблизости нет, зато отмечаются следы жертвоприношений и кострищ.

Аборигены Минусинской котловины — хакасы весьма почитали каменные изваяния. Путешественники XVIII — XIX вв. описывают, как их проводники объезжали статуи на коне, мазали им губы маслом и водкой. Даже теперь случается, что к стелам, перевезенным во двор музея в Абакане, приходят хакасы и «кормят» древних идолов. Что это — последние отголоски культов бронзового века или сравнительно позднее явление?

Большой знаток Хакасии А. Н. Липский заметил, что нагрудники, выгравированные на нескольких статуях, очень похожи на «погб» — одежду хакасской свахи. А так как жертвы идолам приносят, чтобы иметь детей, и животы истуканов порой вздуты, словно у беременных женщин, напрашивается вывод о связи стел с культом плодородия от окуневской эпохи вплоть до недавнего времени. Наблюдения интересные, однако нельзя забывать, что тагарцы и енисейские кыргызы обращались с изваяниями без всякого почтения, раскалывали их и зарывали вниз головой в оградках своих могил. Поэтому не менее вероятно, что поверья хакасов не восходят к окуневским, а сложились относительно поздно. Статуи таинственных полулюдей-полуживотных стояли в степи, поражая воображение кочевавших здесь скотоводов. Им хотелось как-то осмыслить эти камни. Зародились легенды, а затем и обряды.

Другая сложная проблема — происхождение скульптур. Имеют они местные корни или подражают тем или иным далеким образцам? Маски на изваяниях сопоставляли с личинами бога Тао-тэ на древнейших китайских бронзах, с мордами, вырезанными на камнях Сакачи-аляна на Амуре, а сами стелы — с тотемными столбами американских индейцев. Некоторые параллели можно подбирать и в Северном Причерноморье, и в таежной полосе Сибири.

На одном этом примере видно, сколько нерешенных вопросов остается в сибирской археологии. Даже Минусинская котловина, где раскопки идут чуть ли не три столетия, хранит еще множество тайн. И пусть в других областях не было таких благоприятных условий для жизни, как на Среднем Енисее, а потому не было и столь густого населения, столь частой смены разных племен,

все равно на Оби и Ангаре, в Забайкалье и на Лене мы найдем любопытнейшие памятники прошлого — могильники и стоянки, наскальные изображения и стелы с рисунками. История этих районов освещена письменными источниками неизмеримо хуже, чем история Кавказа, Причерноморья, Средней Азии. Восстановить ранние этапы в развитии общества и культуры на необозримых просторах Сибири могут только археологи. Этот свой долг перед наукой они, несомненно, выполняют.

ОТ РЕДАКТОРА

Советская земля удивительно богата памятниками древности. Разные племена и народы, сменявшие друг друга в течение многих тысячелетий, тысячи поколений людей, живших и умерших на территории нашей страны, оставили здесь вещественные следы своей жизни и деятельности. Непрительные землянки и величественные храмы, примитивные стоянки каменного века и грозные крепости феодальных властителей, отдельные орудия и многопудовые клады драгоценностей, скромные рядовые могилы и богатейшие царские гробницы, наивные рисунки первобытных людей и многокрасочная фресковая живопись художников средневековья — все это и многое другое составляет поистине неоценимую археологическую сокровищницу, из которой историческая наука черпает сведения об образе жизни, быте, культуре наших далеких предков.

В любом уголке нашей страны — в тайге и в пустынях, в степях и в тундре, в болотах и в горах — можно обнаружить остатки древних поселений или древние могилы, забытые святилища или наскальные рисунки, полуразрушенные укрепления или каменные изваяния. Значительная часть этих древностей находится в земле и может быть открыта и изучена только при научных археологических раскопках. Но многие памятники — курганы, городища, древние постройки, валы, писаницы и пр. — видны и без раскопок, они находятся на земле или на скалах, они как бы составляют часть естественного пейзажа. Нередко искусственные сооружения, возведенные руками древних обитателей нашей страны, настолько органически вписываются в окружающую природу, настолько естественно связаны с ландшафтом, что сами становятся частью его, придавая черты дополнительной живописности и одухотворенности пейзажу. Вспомним хотя

бы мягкие очертания курганных насыпей на степных водоразделах нашего Юга, суровую простоту каменных башен в горах Сванетии, изящную просветленность белых церквей и монастырей над гладью озер и рек Центральной России. О таких вот памятниках и рассказывается в книге Александра Александровича Формозова. Автор ее — видный советский археолог, специалист по каменному веку и первобытному искусству. Но в этой книге он говорит не только о памятниках, являющихся объектом его исследовательских интересов, но и о других древностях — скифских, античных, средневековых, с которыми ему пришлось познакомиться во время его многочисленных археологических экспедиций и поездок по родной стране. Он приглашает читателя посетить вместе с ним различные районы нашей земли, вновь полюбоваться разнообразием ее пейзажей и обратить внимание на археологические памятники, столь щедро разбросанные по всем этим районам.

А. А. Формозов останавливается прежде всего на тех древностях, которые наиболее характерны для каждого района, часто бросаются в глаза даже неискушенному туристу и могут быть замечены любым внимательным человеком. Но обладая специальными знаниями археолога, автор квалифицированно комментирует их, вскрывает перед читателем не только внутреннее содержание отдельных археологических фактов, но и их взаимодействие, их место в историческом прошлом, их связь с географической средой. Он ведет читателя от первого внешнего впечатления, полученного при рассмотрении памятника, к его осмыслению, к сопоставлению его с другими древностями, к размышлению об исторических судьбах родной земли. Попутно читатель получает немало нового информационного материала, тщательно взвешенного и строго выверенного, добытого трудом многих поколений русских и советских археологов и историков.

Однако книга А. А. Формозова не является ни учебником, ни справочником, ни путеводителем по археологическим маршрутам. Автор не ставит перед собой задачу рассказать обо всех памятниках. Он говорит лишь о некоторых из них, о тех, которые кажутся ему наиболее примечательными, или о тех, которые просто лучше ему известны. Уже самый выбор районов продиктован поездками А. А. Формозова и его работами в экспедициях.

Читатель не найдет в книге описаний памятников целых больших областей, таких, как Прибалтика, Белоруссия, почти вся Сибирь, за исключением Минусинской котловины, Дальний Восток, Закарпатье и др. Зато более подробно освещены археологические памятники Крыма, Урала, Кавказа. Но и здесь автор останавливается лишь на отдельных памятниках или археологических культурах, не стремясь охватить все их многообразие и перечислить все их категории.

Хорошо это или плохо? Прежде всего следует заметить, что в книжке небольшого объема было бы невозможно рассказать обо всех археологических регионах, обо всех памятниках. Любой автор встал бы перед проблемой выбора, и выбор этот во всех случаях был бы в какой-то степени субъективен. Но главное даже не в этом. Конечно, А. А. Формозов легко мог бы гораздо более равномерно осветить важнейшие группы археологических памятников на всей территории нашей страны, пользуясь не только личными наблюдениями и впечатлениями, но и описаниями и исследованиями, сделанными другими учеными, не считаясь с тем, что сам он некоторых памятников не видел. Систематичность и полнота изложения в таком случае, вероятно, несколько выиграли бы. Но книга в целом потеряла бы при этом гораздо больше. Она утратила бы тот аромат личностного отношения автора, тот дух его индивидуального восприятия, который присутствует в книге сейчас и который делает ее своеобразной и не похожей на другие научно-популярные очерки об археологии. Мы получили бы еще одну книжку с добросовестным описанием разнообразных памятников, но лишились бы возможности взглянуть на эти памятники глазами автора, почувствовать его волнение, его восприятие красоты и величия древней истории.

А. А. Формозов отнюдь не придерживается нейтральной позиции по отношению к описываемым им древностям. Если фактическая сторона его описаний строго объективна, то его впечатления от памятников, его эмоциональная настроенность, которую он стремится передать читателю, весьма субъективны. И мы не можем остаться равнодушными к авторскому голосу, невольно заражаемся волнением автора, разделяем его пристрастия, усваиваем его тональность, видим в археологических памятниках то, что когда-то раскрылось перед автором

книги и чем А. А. Формозов считает нужным поделиться с нами. Вслушаемся хотя бы в такое рассуждение автора: «Нужно было обладать гениальностью древних зодчих, чтобы создать постройки, не только не теряющиеся на фоне величавой природы, но и выигрышно выделяющиеся среди гор. Храм VI—VII вв. Джвари над Мцхетой или туфовые армянские церкви Аштарака совсем невелики. Но безошибочно найденная для них точка, тщательно выверенные пропорции, угловатые контуры, столь отличающиеся от закругленных линий русских церквей и столь же хорошо сочетающиеся с зубчатой панорамой гор, как плавные очертания абсид, племовидных или луковичных глав сочетаются с мягкими линиями наших холмов,— все это позволило средневековой архитектуре Кавказа обогатить суровый горный ландшафт новыми человеческими оттенками». Такие отступления не сообщают читателю большого числа новых фактов, не содержат новой значительной информации, но они призывают его не только любоваться древними памятниками, но и размышлять.

Не всегда оценки и толкования А. А. Формозова бесспорны, они, как мы уже говорили, субъективны. Другой наблюдатель может иногда по-иному воспринять то или иное явление, и это восприятие вызовет у него другие ассоциации. Так, по нашему мнению, нельзя полностью согласиться с А. А. Формозовым в его отрицательной оценке архитектурного «московского узорочья» XVII в., хотя он и прав, предпочитая излишне вычурным декоративным формам и украшениям второй половины XVII в. монументальную простоту более ранних памятников. Но, главное, книга А. А. Формозова, несомненно, способствует не только тому, чтобы пробудить у нас интерес к памятникам древней культуры, но и тому, чтобы развить потребность в эмоциональном их восприятии и вызвать стремление к более глубокому осмыслению увиденного, к переходу от внешнего наблюдения к проникновению в суть исторического процесса. В этом, как нам представляется, главное достоинство книги А. А. Формозова и залог ее успеха.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Оболенский М.* Сказание священника Иакова.— «Записки Одесского общества истории и древностей», т. II, 1850, стр. 689.
- ² *Броневский М.* Описание Крыма.— «Записки Одесского общества истории и древностей», т. VI, 1867, стр. 344.
- ³ *Волошин М.* Суриков (материалы для биографии).— «Аполлон», 1916, № 6—7, стр. 55.
- ⁴ *Бунин И. А.* Собрание сочинений, т. 1. М., 1965, стр. 427.
- ⁵ *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений, т. 13. М.—Л., 1937, стр. 18.
- ⁶ «Дорогой тысячелетий». Симферополь, 1966, стр. 40.
- ⁷ *Бестужев-Марлинский А. А.* Сочинения в двух томах, т. II. Л., 1958, стр. 343.
- ⁸ *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений, т. 2. М., 1937, стр. 58—59.
- ⁹ *Поляков И. С.* Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию. Приложение к XXXVII тому «Записок Академии наук». СПб., 1880, стр. 2, 3.
- ¹⁰ *Dołęga-Chodakowski Z.* O Sławiańszczyźnie przed chrześcijaństwem oraz inne pisma i listy. Warszawa, 1967, стр. 328, 351.
- ¹¹ *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений, т. 5. М., 1948, стр. 100.
- ¹² *Dołęga-Chodakowski Z.* Указ. соч., стр. 50.
- ¹³ *Карамзин Н. М.* История государства Российского, т. XI. СПб., 1824, примечания, стр. 20.
- ¹⁴ «Повесть о Стефане — епископе Пермском».— «Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко», вып. 4. СПб., 1862, стр. 136.
- ¹⁵ *Спицын А. А.* Гляденовское костыще.— «Записки Русского археологического общества», т. XII, вып. 1—2. СПб., 1901, стр. 228, 229.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Амальрик А. С., Монгайт А. Л.* Что такое археология. М., 1966.
- Амальрик А. С., Монгайт А. Л.* В поисках исчезнувших цивилизаций. М., 1966.
- Анфимов Н. В.* Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953.
- Археологи рассказывают. Таджикгосиздат, 1959.
- Бадер О. Н., Оборин В. А.* На заре истории Прикамья. Пермь, 1957.
- Брашинский И. Б.* Сокровища скифских царей. М., 1967.
- Вадецкая Э. Б.* Древние идолы Енисея. Л., 1967.
- Виноградов А. В.* Тысячелетия, погребенные пустыней. М., 1966.
- Виноградов В. Б.* Тайны минувших времен. М., 1966.
- Гурина Н. Н.* Мир глазами древнего художника Карелии. Л., 1967.
- Доманский Я. В., Столяр А. Д.* По бесовым следам. Л., 1962.
- Домбровский О. И., Мазнева О. А.* Столица феодалитов. Симферополь, 1973.
- Дорогой тысячелетий. Экскурсии по средневековому Крыму. Симферополь, 1966.
- Дорогой тысячелетий. Очерки о древнем Крыме. Симферополь, 1969.
- Кияшко В., Косяненко В., Максименко В.* Легенды и быль донских курганов. Ростов-на-Дону, 1972.
- Марковин В. И.* В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965.
- Массон В. М., Сарияниди В. И.* Каракумы: заря цивилизации. М., 1972.
- Окладников А. П.* Олень — золотые рога. Л., 1964.
- Пачулия В. П.* В краю золотого руна. М., 1968.
- По следам древних культур (три выпуска). М., 1951, 1953, 1954.
- Савватеев Ю. А.* Рисунки на скалах. Петрозаводск, 1967.
- Сальников К. В.* В глубине веков. Свердловск, 1959.
- Стависский Б. Я.* Между Памиром и Каспием. М., 1966.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Курганы, идолы, монеты. М., 1968.
- Формозов А. А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1966.
- Цветаева Г. А.* Сокровища причерноморских курганов. М., 1968.
- Черепанова Е. Н., Щепинский А. А.* Там, где пройдет Северо-Крымский... Симферополь, 1966.
- Шелов Д. Б.* Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956.
- Янин В. Л.* Я послал тебе бересту. М., 1965.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	3
Крым	6
Кавказ	24
Южнорусские степи	37
К западу от Днепра	49
Леса европейской России	59
Урал	76
Казахстан и Средняя Азия	88
Южная Сибирь. Минусинская котловина . . .	100
От редактора	114
Примечания	118
Рекомендуемая литература	119

Александр Александрович Формозов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

Утверждено редколлегией серии научно-популярных изданий
Академии наук СССР

Редактор **Н. В. Шевелева**. Художник **В. Хлебников**

Художественный редактор **В. Н. Тихунов**

Технический редактор **Н. Н. Плохова**

Сдано в набор 14/III 1974 г. Подписано к печати 24/V 1974 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Усл. печ. л. 6,30.

Уч.-изд. л. 6,2. Тираж 73 000 экз. Т-07867. Тип. зак. 305. Цена 36 коп.

Издательство «Наука».

103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
«НАУКА»
ВЫШЛА
ИЗ ПЕЧАТИ
КНИГА:

36 коп.

КАРГАЛОВ В. В.

На степной границе. 10,1 л. 32 к.
В 1480 г. ордынское иго было свергнуто, но борьба русского народа с монголо-татарскими завоевателями не закончилась. В течение двух столетий Русское государство вело почти непрерывную изнурительную войну на степной границе с агрессивными татарскими ханствами, которые образовались после распада Золотой орды и предпринимали грабительские набеги на русские земли.

Книга посвящена первому этапу этой борьбы, самому трудному и опасному. Автор рассказывает, как зарождалась на степных просторах «Дикого поля» русская сторожевая и станич-

ная служба, как в результате общенародных усилий складывалась система обороны «Крымской Украины», как воевали с татарской конницей русские полки и простые «люди украинные», обороняя родную землю.

Книга представляет интерес для широкого круга читателей и для специалистов-историков, так как обобщающая работа по данной теме издается впервые.

Для получения книги почтой заказы просим направлять по адресу:

117463 МОСКВА, В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197110 ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайšie магазины «Академкнига».